

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 119 (3303)

Вторник, 5 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

Международные отклики

НОВЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО МИРА

Как известно из сообщений центральной печати, предстательствует в деле мира А. Я. Вышинский. Являясь членом пятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций проект резолюции «О заключении международной конвенции по вопросу о сокращении вооружений и запрещения атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения».

Новое советское предложение оказалось в центре внимания мировой общественности. Ему посвящены многочисленные комментарии, отклики и высказывания газет и журналов различных политических направлений во всех странах. И это понятно. Миллионы людей во всем мире осознают серьезность угрозы, которую представляет американская политика гонки атомного вооружения.

И, конечно, не вина Советского Союза, что вопрос бесконечно волнующий всех честных людей нашей планеты, до сих пор не разрешен, а длительные переговоры по атомной проблеме оказались заведенными в тупик. На протяжении всего послевоенного времени правящие круги США упорно отклоняли советские предложения, пытались в то же время обвинить СССР в «несговорчивости». Опубликованные недавно документы о переговорах по атомной проблеме между СССР и США о запрещения атомного, водородного и всех иных видов оружия массового уничтожения еще раз убедительно показали широкую общественность всех стран, какую последовательную миролюбивую позицию занимает Советский Союз. В своей памятной записке от 22 сентября Советское правительство подчеркивает, что «возможности согласования позиций сторон нельзя считать исчерпанными...».

Ныне Советский Союз делает новый шаг, чтобы найти выход из создавшегося тупика. Советская программа укрепления безопасности находит широкий и благоприятный отклик. Так, агентство Франс Пресс пишет, что новое предложение Советского Союза вызвало живой интерес в парижских политических кругах. Глава английской делегации в ООН предложил «тщательно изучить то, что сказал Вышинский». Представитель США в ООН подчеркнул, что Советскому Союзу расхолаживает советское предложение объективно, с искренней надеждой, что оно окажется реальным шагом по пути к всеобщему миру, эффективному и действительному разоружению.

Однако реакционная печать США, не получив места на широковещательных аншлагах о выступлениях А. Я. Вышинского в ООН, всячески стремится преуменьшить значение советских предложений, сблизить толку своих читателей, убедить их, будто новая инициатива СССР является всего лишь «пропагандистским маневром». Этот стиль же излюбленный, сколь и затасканный прием использует, например, корреспондент американской газеты «Крисчен сайенс мониторинг» Фрай. Впрочем, газета выдает себя за головной, высказывая опасение, как бы осуществление советских предложений не положило конец столь милой сердцу американских атомщиков «холодной войне». Ему вторит его коллега из газеты «Нью-Йорк таймс» Гамилтон. Он не может, правда, скрыть, что вновь появилась реальная перспектива международного контроля над атомной энергией. Но это не радует Гамилтона, и он торопится сообщить, что «некоторые делегаты» в Организации Объединенных Наций относятся к этому предложению «недоверчиво» и с пессимизмом рассматривают мотивы, побуждающие СССР выдвинуть его.

Конечно, каждый здравомыслящий человек понимает, что единственным мотивом, побуждающим Советский Союз бороться за запрещение атомного оружия и других видов оружия массового уничтожения, является благородное стремление СССР упрочить мир и безопасность народов, сделать все возможное для сглаживания международной напряженности. Но это как раз и не устраивает тех, кто стоит за спиной комментаторов из «Нью-Йорк таймс» и «Крисчен сайенс мониторинг».

Не имея в своем распоряжении сколько-нибудь убедительных аргументов против советских предложений, кое-кто из американских пропагандистов обращает свои взоры к архивам Лиги наций. Тогда, мол, ничего не вышло с разоружением — не выйдут и теперь, зловеще ведают они. Но при этом тщательно замалчивается, что в неудаче Лиги наций повинны именно западные державы. Чтобы посеять уныние, штатные пропагандисты Уолл-стрит удерживают, что самый факт подписания какой-либо конвенции еще ничего не дает. Но исторический опыт опровергает подобные аргументы. Известно, например, что подписанный почти тридцать лет назад в Женеве протокол о запрещении химического и бактериологического оружия сыграл свою положительную роль в годы второй мировой войны.

Широкие круги общественности различных стран с огромным интересом отнеслись к новой инициативе Советского Союза. Народы всего мира видят в советских предложениях верный путь к сглаживанию международной напряженности, к предотвращению угрозы войны.

ЛИТЕРАТОР

Десятилетие болгарской газеты

„Литературен фронт“

Общественность Болгарии отмечает 10-летие органа Союза болгарских писателей газеты «Литературен фронт» — преемника и продолжателя лучших традиций болгарской демократической печати прошлого. Первый номер газеты «Литературен фронт» вышел вскоре после освобождения Болгарии от фашизма — 30 сентября 1944 года. В нем было опубликовано обращение писателей — участников Отечественного фронта к всем участникам литературы и искусства с призывом отбросить все силы строительству новой, демократической литературы и культуры.

Газета «Литературен фронт» стала боевым органом Союза болгарских писателей, пропагандирующим новые идейные основы болгарской литературы, пропагандирующим метод социалистического реализма. Средствами публицистики и художественного слова газета борется за мир, демократию и социализм, против буржуазной идеологии. Своими выступлениями «Литературен фронт» способствует повышению идейного уровня и художественного мастерства болгарской литературы, музыки, театра и других областей искусства, пропагандирует тесную связь искусства с жизнью, с социалистическим строительством в стране.

Газета «Литературен фронт» является пламенным поборником фронта советской дружбы, систематически, широко знакомит болгарского читателя с новинками советской литературы и жизнью советского народа. Вчера в Софии, в концертном зале «Болгария», состоялся торжественный вечер, посвященный 10-летию газеты.

Чего мы ждем от съезда

Академик В. А. ОБРУЧЕВ

Возродить жанр, любимый молодежью

Надеюсь, что Второй съезд писателей поможет возродить столь нужный и любимый нашей советской молодежью жанр научно-фантастической литературы.

Я думаю, что научно-фантастический роман должен излагать события и действия героев правдоподобно, чтобы читатель был уверен, что все описанное в романе возможно. Роман не должен походить на волшебную сказку, которой мамы и няни восхищают малолеток. Современные открытия в областях химии, физики, геологии, электротехники, в устройстве самолетов, вертолетов, радио и телеприборов дают много материала для сочинения увлекательных приключений в воздухе и воде, на земле и под землей. Авторы романов должны знакомиться с ними и использовать их в своих произведениях. А Союз писателей мог бы помочь в выращивании таких писателей и в обучении их работы.

К тем, кто с трибуны съезда будет радовать за этот жанр, присоединяю и я своей голос.

М. КОРНЕВ, директор издательства «Советский писатель»

Правильно ли мы поступаем?

В предсъездовских статьях и выступлениях писателей наряду с важнейшими проблемами творчества затрагиваются и вопросы, связанные с книгоизданием. Несмотря на растущий из года в год выпуск книг, наше издательство не перестает упрекать: во-первых, в том, что оно дает их мало, особенно новинок; во-вторых, что перепечатывает не то, чего требует читатель; в-третьих, — слишком много стихов, а «стихи не идут», т. е. п.

Начнем с последнего упрека. Известно, например, что малая серия «Библиотечки поэта» выходит третий раз, причем в третьем издании расширен обзор серии и увеличен тираж — с 20 тысяч до 50 тысяч экземпляров. Некоторые работники Глазковского отдела, опасаясь, что не все книги этой серии разошлись одинаково быстро, предлагали «дифференцировать» тиражи, в частности издать стихи Сумарокова в количестве 10—15 тыс. экземпляров. Но когда по настоянию издательства они запросили свои торговые точки, то выяснилось, что требования на томики Сумарокова превысили 75 тыс. экземпляров.

Известно также, что издательство «Советский писатель» выпустило массовым тиражом избранные произведения К. Симонова, С. Шиллачева, С. Смирнова, поэму А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», поэму А. Твардовского «Васили Теркин» и все эти книги быстро разошлись. Значит, «не идут» плохие стихи, так же как «не идет» плохая проза.

Правда, случается, что мы выпускаем издания без уверенности в том, что они будут распроданы. Скажем прямо: мы делаем это не по собственной воле. Бывает, что надо отменить выпуск книги юбилей ее автора, который давно не издавался, еще чаще бывает, что поэту для выпуска книги не хватает новых стихов и он дописывает их старыми, давно известными. Ну, и приходится нам выпускать также издания по требованию секретариата ЦСП СССР. Вот такие книги и закладываются на полки магазинов, порождая версию о том, что «стихи не идут».

В распространении этой версии немало повинны, с нашей издательской точки зрения, и книготорговые организации. Они охотно заказывают и принимают от нас книги, которые расходятся в любых тиражах без всяких усилий с их стороны. А вот верные книги молодых поэтов, которые надо приблизить к читателю, они не пропагандируют.

Издательство предлагало выпускать первые книги стихов «пробных» тиражами — в 1—3 тыс. экземпляров. Это явно непомогает: ведь обычный тираж стихов и без того мал, всего 5—10 тысяч.

Книгопродавцы правы в том, что мы издаем мало книг. Мы и сами знаем, что выпускаемых нами в этом году двухсот названий книг, общий тираж которых составляет несколько миллионов экземпляров, недостаточно для нашей страны. Почему это происходит? Из года в год мы увеличивали выпуск книг, принужденные укладываться в лимиты бюджета 1952 года. Издательство «Советский писатель» по профилю своему призвано, главным образом, выпускать новинки советской литературы. Как же довести их до читателя, не получая дополнительного количества бумаги? Единственная возможность — увеличить количество названий, уменьшить их тиражи. Пусть же скажут на предстоящем съезде: правильно ли мы решаем проблему?

Встречи с читателями

Вчера в актовом зале МГУ на Ленинских горах состоялась встреча московских писателей с преподавателями и студентами университета. С докладом выступил В. Осеров, читали свои произведения М. Искровский, В. Каверин, С. Смирнов, В. Инбер, И. Андроник, П. Антокольский.

Это — первый из цикла вечеров, которые будут проводиться по решению секретариата ЦСП СССР в связи с предстоящим Вторым всесоюзным съездом писателей.

На этих вечерах читатели знакомятся с произведениями современной советской литературы, творческими планами писателей. Будут прочитаны лекции, посвященные различным вопросам литературы между Первым и Вторым съездами, ее мировому значению. В Колонном зале Дома союзов состоится Первый съезд писателей подается с читателями своими воспоминаниями о съезде,

Анкета «Литературной газеты»

Следует коснуться еще одного вопроса — об авторском гонораре для молодых писателей. Тов. Овечкин (см. «Литературную газету», № 91) обозначил тем, что «значительные писатели поставлены в самые невыгодные условия». Поэтому же следует платить авторам первой книги повышенные гонорары, а квалифицированным писателям — пониженные. Никак нельзя согласиться с этим положением. Гонорар за первое произведение дает возможность автору про существовать год и больше, даже если он нигде не работает. Хорошая книга в следующем году переиздается уже по удвоенной оплате за лист.

Кроме того, если автор талантлив, издательство имеет возможность авансировать его, заключив с ним договор на вторую книгу, что мы и делаем довольно часто. Так было, например, с С. Сартаковским, книга которого «Каменный фундамент», выпущенная в 1951 году, не имела особенного успеха. Однако издательство заключило с ним авансовый договор на «Хребты Саянские», первая часть которой хорошо принята читателями. Теперь автор работает над второй частью этого произведения. Примерно так же было и с А. Пришвиным, и с В. Дудинцевым, и с В. Гиторовым, и с другими.

Нам кажется, что в пересмотре авторского права в этой его части нет необходимости. Но мы хотим услышать об этом мнение писателей.

Д. ШОСТАКОВИЧ, композитор

Особая профессия

В большой предсъездовской дискуссии о главных проблемах советской литературы вопрос, который я хочу поднять, может показаться частным. Я думаю все же, что он достоин внимания. Речь идет о литературе, связанной с музыкой.

Композитор, задумавший создать оперу или балет, может написать увертюру, основные мелодии, выражающие образы главных героев. Но для произведения в целом ему необходимо подробно разработать либретто. Вместе с тем и может называть лишь два творческих содружества Д. Кабалевского и С. Пеннин, П. Держинского и Л. Держинского, в результате которых были созданы оперы «Семья Тараса» и «Тихий Дон». Что же касается крупных советских писателей, которые работали бы с композиторами и над либретто своих произведений, то, за исключением А. Корнейчука и В. Вайцманской, я затрудняюсь назвать какие-либо имена.

Впрочем, я лично не согласен с теми композиторами, которые считают, что автор романа, на сюжет которого пишется музыкальное произведение, непременно должен быть и автором либретто. Напротив, практика показала, что лучшие оперные либретто написаны не писателями. Пушкин, как известно, не писал для Чайковского либретто «Никозой дама», это сделал за него брат композитора — Модест Чайковский. Отличные либретто «Садко», «Сказки о царя Салтане», «Золотой петушок» написал для Римского-Корсакова В. Белый, и не Дюма-сын, а Ф. Пиафе написал либретто «Травятики», так гениально передающие сюжет и смысл драмы «Дама с камелиями».

Вполне вероятно, что весьма квалифицированный беллетрист может оказаться слабым либреттистом. И если романтики самоутрачивали от этого своеобразно и своего жанра, то как же Союзу писателей не позаботиться о создании кадров либреттистов? Способность написать хорошее либретто, я считаю, — особая профессия. И нет никаких оснований считать ее профессией второго сорта. Между тем в Союзе писателей явно недооценено это остро дефицитный жанр. Иначе, чем объяснить, что лучшие его мастера — С. Пеннин («Семья Тараса»), Л. Держинский («Тихий Дон») и другие — не члены Союза писателей. Такое отношение к жанру отнюдь не стимулирует его развития.

Когда-то в Союзе писателей была музыкальная секция, но она прекратила свое существование. Я считаю необходимым возродить эту секцию и потребовать от нее самого активного вмешательства в дело создания советских опер и балетов.

Хочу коснуться еще одной темы. Музыкальное искусство чрезвычайно богато и чрезвычайно любимо в народе. Зато художественная литература о музыке и музыкантах крайне бедна и количественно и качественно. Лучшее из всего, что я прочел на эту тему, — роман А. Новикова «Рождение музыканта». Это — большая работа, в которой чувствуется серьезное изучение материала, понимание психологии музыкального творчества, любовь к самой музыке. С удовольствием вспоминаю фильм «Музыкальная история», «Антон Павлович Сергеевич», «Глинка». И, к сожалению, ничего хорошего не могу сказать о piece С. Михалкова «Дядя Гоголь», об «Опере Снегина» О. Черного. В этих произведениях авторы крайне поверхностно и дилетантски пытаются раскусить о серьезных проблемах музыки. Между тем среди писателей есть люди, тонко чувствующие музыку, — например, Мариэтта Шагинян, Константин Федин и ряд других, но они почему-то не прикасаются к этой теме. Читателям и нам, музыкантам, об этом остается только пожалеть.

Встречах с А. М. Горьким. Цикл вечеров, посвященных советской сатире, поэзии народов СССР и легкой литературе, начнется в Октябрьском зале Дома союзов. Встреча с писателями состоится на днях в Дворце культуры автозавода имени Сталина.

Читательские конференции, лекции, беседы будут проходить на предприятных столах, в полковых клубах, учебных заведениях, библиотеках. В частности, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина готовит читательскую конференцию по роману Л. Леонова «Русский лес».

Наместник также выезды писателей в Подмажское — в колхоз имени В. И. Ленина, на Глуховскую мануфактуру, в совхоз «Лесные поляны».

В ближайшем будущем состоится встреча московских литераторов с жителями города Чехова.

Новоселы на Май-Балыке

Письма с целинных земель

Люди пришли в степь. Огляделись — кругом равнина, равнина и равнина. Ни дачки, ни кургана — низкорослый полынник за зелетая цетина ковыли.

Люди пришли в степь, чтобы заложить центральную усадьбу нового совхоза. Им предстояло построить первую палатку. Но планы не надо было бы разбивать, кажется, вон там, на взгорье, где раздольно гулают степные ветры...

Приехали в основном горожане, привывшие к обжитым местам, и степь показалась им поначалу дикой, пустынной. Поэтому они поставили палатку не там, где предполагалось, а на берегу небольшого степного озера. Казахско-степовые, местные жители, называли эту небольшую котловину, заросшую неглубоким, бурным камышом, среди которого плескалась соленая вода, озером Май-Балык. Старожилы рассказали, что когда-то озеро было пресноводным, а в нем — видимо — невидимый рыб. Рыбы жирной, что по-казахски значат балык. Отсюда и название озера. Но, по всей видимости, это было давным-давно. Сегодня же покой степного озера не нарушают ветры, разгулявшейся рыбы и крики птичьих стаи. Разве только ранней весной и поздней осенью залетят сюда утки-широкопалы, отбиваясь от посяга; втиши покружат, покружат над озером, на миг вынырнут в зарослях и снова с криком исчезают вдали.

Дремотная тишина стояла над Май-Балыком. Но как только холодным мартовским утром люди поставили на его берегу белую брезентовую палатку, так сразу все изменилось. К озеру прибыли два мощных трактора с безрычажными плугами. Они протоптали по степи грейдер. И потекли по грейдеру все новые и новые отряды добровольцев. А с ними — тракторы, полевые палатки, бороны, культиваторы, секцион, походные кухни, автомашины, шиты сборных домов... Быстро на берегах Май-Балыка вырос целый городок палаток.

За озером лег и весь гудели трактора, поехали зарницы костров — там тракторные бригады Василия Печнигина, Николая Дегейна, Павла Кизяка, сформированные из молодежи, выехали целину. Начавший поворот степи зарывали лемехи плугов, перерывали ковыли корнями вверх, и каштановые разрывы пахоты растекались все дальше от Май-Балыка.

Ах, какое это было замечательное время! Лето. Тепло. Степное раздолье. Первые работы новой дружбы. Каждый из новоселов вспоминает о тех днях с трогательной нежностью.

Жить-то было в общем трудно. Но люди, часто непосытая, надевая, трудовые подтяжки. Как иначе назвать трактористом Тимофея Найденова, Анатолия Аларина, Владимира Капана, Тимофея Волкова и многих других, поднимавших за смену по одиннадцати-двенадцати гектаров целины при норме вить-шесть га? Дерновой покров то и дело вывалил из строя лемехи; случалось — ломались рамы плугов. Стояла странная жарина, а в отпад по суткам не привозили пресной воды. Были даже перебои и с хлебом.

Тогда, конечно, был подвиг. К нему партия звала молодежь: ради него каждый оставил родной дом, семью, друзей, любимое дело... Но это был великий зрительный подвиг, претерпевший на глазах, — и потому редкий. Тут было немало — трактористов ли ты, прицепщика ли, канавар, важно было, что ты там, где поднимаешь целину. И это принадлежало людям силу воли, энергии, выносливости.

Тракторы уходили все дальше в степь. А вот уже в одной бригаде справили «скабану» — праздник, неслаженный выполощен планом подвиза новых земель. Через неделю — в другой, в третьей. И, наконец, работная весть облетела все отряды: совхоз перевыполнил план подвиза новых земель, распахав двадцать три тысячи гектаров целины.

Никогда молодежь не забудет тот праздничный день. А на другое утро из бригад на центральную усадьбу потянулись прицепщики, водовозы, повара.

— Александр Филиппович! — осаждали директора совхоза. — Чем прикажете заниматься дальше?

— Будем строить! — коротко ответил Кержнер.

К тому времени в степи, поодаль от Май-Балыка, уже стояло несколько домиков. Но большинство из них были еще только обозначены белыми, свежестружанными кольцами. Но обе стороны грейдера — будущей центральной усадьбы поселка — возвышались штабеля деталей сборных домов, леса, бутового камня, кирпичи.

И молодые сагари, комбайнеры, прицепщики, шоферы, даже те, кто никогда не держал в руках топор и пилу, — стали строителями. Многие из них, как комбайнер Петр Прокопенко, прицепщица Зоя Рыбакова, овладели несколькими строительными профессиями. Они устанавливали шиты сборных домов и клали саман: штукатурили стены и брызгли дома шифром.

Собрали по несколько домиков в день. За короткий срок в степной глухомани вырос веселый поселок: двадцать пять жилых домов, мастерские, склады, магазин, стадион.

Далеко в степи видны теперь строения нового совхоза. Правда, издали они сливаются; кажется, в туманной дымке плывет корабль. Но, когда подойдешь поближе, заметишь различия отдельных построек. Над озером стоят два двухэтажных жилых дома. Один из них уже оштукатурен, другой — в лесах. Образца уличной, выстроились уже десятки одноэтажных домиков. Они уже начали обростать «службами»: сараями, погребами...

Бегут автомашины, груженные лесом, цементом, известью, зерном, овощами. Люди пришли в степь. Они принесли с собой жизнь.

Жизнь в новом совхозе уже входит в обычную колею.

Дети спешат в школу. Говорит радио. От озера вернулась трактор с бензонаправлением. Женщины и подростки с ведрами быстро окружают его — привезли воду.

Своей воды в поселке пока нет; для питья ее привозят в автоцистерне из соседнего Советского совхоза, а для хозяйственных нужд — из озера. Воды не хватает, а потребность в ней все возрастает. Вода нужна не только для питья и для бытовых нужд, но и для строительства.

В начале сентября большинство рабочих совхоза переселилось из палаток в дома. И теперь каждый спешит потеплее устроиться к зиме.

Вечерами, после трудового дня, новоселы штукатурят дома, обмазывают завалены. Часто можно видеть, как они всей бригадой являются к одному из своих товарищей — и за вечер вырыт погреб, поставлен наветр для скота. А завтра все идет к другому... Так веселее работать и дело спорится.

Квартиры в новых домах получили, в основном, кадровые рабочие совхоза — бригады тракторно-полевых бригад, трактористы, комбайнеры, шоферы. Это все народ солидный, семейный. Кое-кто из них сразу приехал с семьями, другие прибывали уже в отпуску и привезли сюда домашних с пожитками. Многие поженились здесь и теперь с радостью благоустривают свои квартиры.

Молодежь же — девушки и ребята — разместились в двухэтажных домах, где для них оборудованы общежития.

И семейные и холостые хлопоту, создавая уют. Но создать его не так-то легко.

Мне довелось побывать почти во всех комнатах общежитий — на квартирах у многих новоселов — у тракториста Николая Ткаченко, шофера Виктора Воронина, гужайнера Петра Прокопенко и других. Каждый из них рад новому, теплему угу. И правда: дома сделаны добротно — с тамбурами у входа, с двойными окнами. Все это нравится новоселам; женщины стараются как можно скорее прибить семейному очагу обжитой вид. В каждой квартире на окнах цветы, занавески, на полу ковочки. Но вот беда — очень плохо с мебелью.

Только в одном Булаевском совхозе квартиры получили около ста семей рабочих. А в районе создается еще два совхоза — имени Я. Яновца и имени Малюкова. Это сотни новоселов. И каждому нужны кровать, стол, стулья, тумбочка. Однако ни в районском магазине, что в совхозе, ни в райгазе, в Булаеве, что за сто километров, кроме стульев, никакой другой мебели не достать.

— Как тут создашь уют, — говорит жена комбайнера Прокопенко Мария Григорьевна; она подходит к окну, где стоит небольшой столик, и поднимает угол скамьи. Перед нами мочалки на двух чурбаках.

Нет столов и в общежитиях; жильцы приспособиваются для этой цели ящики из под папирюс. В общежитиях не хватает также тумбочек, стульев, венчалок.

С мебелью плохо. Но это еще полбеды; новоселов сейчас больше беспокоит другое: скорее сделать квартиры пригодными для жилья в летнюю казахстанскую зиму.

Булаевский совхоз считают лучшим в районе по строительству. Это, пожалуй, верно: булаевцы первыми переселились из палаток в дома. И все же нельзя не отметить серьезных недостатков, допущенных строителями.

Во многих домах не произвели внутреннюю отделку: стены не оштукатурены, потолы не покрашены. Часто не хватает вторых рам, дверных ручек. Но и это еще мелочи. Есть недостатки поважнее.

Каждый хозяин, готовясь к зиме, прежде всего думает о печке. Руководители строительного-монтажного управления № 1 треста «Петропавловсксовхозстрой», ответ-

ственных за строительство поселка, никак не позавесив радиусами хозяевами. На дворе октябрь, а во многих домах совхоза еще нет печей. Отсутствует кирпич. Недостает цементов.

Особенно плохо с подготовкой к зиме молодежных общежитий. Здесь не только нет печей, но не утеплены даже потолки, во многих окнах не вставлены стекла.

Строители затянута сдачу и таких важных общественных построек, как столовая, баня, клуб.

Столовая временно помещается в двух местах: кухня и раздаточная в тесовом сарае, а «зал» оборудован в палатке. В непогоду люди толпятся под открытым небом у кассы, сидят с блюдами в руках от раздаточного окна к палатке. Баня помещается в полевом вагончике. Клуба нет. Исно, что в таких условиях зимовать новоселам будет трудно.

— Как можно исправить все эти серьезные недостатки? Кто несет за них ответственность? — спросили мы начальника строительного-монтажного управления № 1 А. Корнеймана. Он долго молчал. Он все-таки неспешно, как возглавляет СМУ, и с тем, что происходит, не совсем знаком. Как бы в оправдание бывших до него нерадивых руководителей управления, Корнейман говорит о плохом заводе строительных материалов, о текучке кадров и т. д.

Да, это в какой-то степени верно: строительного-монтажного управления, как и сам Петропавловсксовхозстрой по строительству новых совхозов, были созданы очень поздно, в июне. К этому времени совхозы своими силами успели уже поставить десятки домов. Технического надзора при этом часто не было, что послужило также причиной недостатков. Вновь созданные строительные управления лишены транспорта. Все это так. Но не в этом основные причины серьезных недостатков в строительстве новых совхозов. Их, пожалуй, более полно представляет себе начальник треста «Петропавловсксовхозстрой» П. Олфер. Бывший железнодорожник-мостостроитель Олфер не скрывает серьезных недостатков в работе треста.

— Да, недостатков много, — признается П. Олфер. — Мы о них знаем. Конечно, самое главное — печи. Печи поставили. У нас много трудностей более значительных. Представьте себе: область не имеет кирпичных заводов. Возим кирпич из Карагандинской области в котировку?..

Вопрос этот вполне справедлив. Видно, в Казахстане мало думают о перспективах строительства. В области, на целинных землях скоро предстоит начать строительство еще ряда новых поселков. Это, что тресту «Петропавловсксовхозстрой» с этими задачами не справиться. Его строительные управления не имеют самых необходимых механизмов: растворомешалок, электропил, строгальных станков. Да что там станков — порой не хватает молотков и лопат! Плохо обстоит дело и с запасом строительных материалов. Исно, что уже давно назрела необходимость создать свои строительные базы: мастерские, кирпичные заводы, деревообделочные предприятия.

«Газусовхозстрой» (бывший до недавнего времени в ведении Министерства совхозов Казахской ССР), куда не раз обращались руководители треста, не ставил эти вопросы перед соответствующими органами. Теперь этот глав перешел в систему нового Министерства — городского и сельского строительства республики. Надо надеяться, что дело пойдет лучше.

Немалая доля вины за те недостатки, какие есть в новых поселках, ложится также на районные и областные партийные и советские органы.

За все четыре месяца работы в тресте, — говорит тов. Олфер, — ни разу меня не позвали ни в обкомполком, ни в обком партии, чтобы спросить, как идут дела, узнать, чем нужна помощь...

А помощь тресту и его строительного-монтажного управления со стороны советских и партийных органов необходима. Взять, к примеру, хотя бы вопрос с кадрами. В тресте — большая текучесть кадров, десятков, рабочих. В Булаевском совхозе за три месяца существования СМУ № 1 сменилось три производителя работ и несколько десятков. Это, естественно, создает обстановку безответственности, безконтрольности за качеством строительства.

Неузнаваемо изменилось лицо некогда пустынной казахстанской степи. Будущей весной миллионы гектаров вновь поднятых земель принесут стране дополнительные тысячи и тысячи центнеров хлеба. Все это сделано с помощью новоселов — молодежи, прибывшей сюда из Москвы, Кубани, Мордовии — со всех концов страны. Новоселы многое сделали: они заслужили большого внимания, большой заботы об их быте и культурной досуге.

С. КРУТИЛИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Булаевский совхоз Северо-Казахстанской области.

60-летие Сайфи Кудаша

Дорогой Сайфи Фаттахович! Президиум Союза советских писателей СССР сердечно приветствует Вас, старейшего бакинского писателя, а ведь Вашего шедеврального...

За сорокалетнюю литературную деятельность Вы прошли большой творческий путь, создали несколько десятков книг, в которых неустанно звучал голос советского патриота, нашей яркой страстной героини, трагической и Великой Отечественной войны, строительство социалистического общества, благородные идеи дружбы народов и пролетарского интернационализма. Своим творчеством Вы внесли большой вклад в разви-

тие бакинской литературы, активно помогали Коммунистической партии в воспитании советских людей в духе идей коммунизма.

Вы плодотворно сочетаете литературную работу с активной общественной деятельностью, что высоко ценится народом, избравшим Вас депутатом Верховного Совета Бакинской АССР. От всей души желаем Вам долгих лет жизни и дальнейших творческих успехов на благо советской литературы.

П. Бронха, С. Вургул, Н. Грибачев, Л. Леонов, Б. Полевой, К. Симонов, А. Сурков, Н. Тихонов, А. Фалесев.

Перу Сайфи Кудаша принадлежит много книг стихов и прозы. Он часто выступает в печати и в качестве публициста, критика. Имя С. Кудаша хорошо известно русским читателям. За последние годы на русском языке вышли сборники его избранных поэтических произведений, в частности «Стихотворения и поэмы», «От всего сердца» и другие. Иные русские читатели познакомились и с прозой С. Кудаша. В издательстве «Советский писатель» вышла его историко-литературная повесть «Навстречу зиме», посвященная великой дружбе двух замечательных поэтов-демократов Габдуллы Тукая и Мажита Гафури.

ПОМЕХИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Всякий раз, когда перед началом телевизионной передачи садиться за режиссерский пулт и смотреть на контрольный экран, невольно видишь перед собой аудиторию. Это — гигантский зрительный зал с миллионными зрителями!

Телевидение становится достоянием широких народных масс, серьезным средством их политического и культурного воспитания.

Телевидение перестало быть чудом, тогда самый факт передачи изображения на расстояние делает зрителя снохободом к качеству передачи. Сегодня к нам предъявляют повышенный счет.

Мы просматриваем письма зрителей. — Дорогие товарищи! Большое спасибо за спортивные передачи. Нас особенно порадовало соревнование по боксу... Жаль только, что не показали встречи боксеров тяжелого веса. Почему?!!

— Неужели вы там, на телевидении, не понимаете, что передача бокса интересовавала только немногих «бобельщиков». Лучше бы показывали чаще хорошие выноски. Я бы с удовольствием еще раз посмотрел фильм «Волга-Волга».

— Товарищи! Сколько раз можно показывать одну и ту же картину?! «Волга-Волга» я, например, смотрел по телевидению несколько раз...

Разные запросы у наших корреспондентов! Но их можно понять. И мы должны удовлетворить всех, — в этом наша главная задача. Но мы не выполняем ее, пока ведем своим передачу только по одной программе.

Зрители требуют показа новых фильмов и спектаклей. К этому стремимся и мы, но часто наши усилия безуспешны. Кинопрокат не торопится с передачей нам копий новых кинофильмов, театры «придерживают» новые спектакли, боясь потерять зрителей. А между тем опыт показывает, что передача по телевидению хорошего спектакля не «отпугивает», а привлекает зрителя в театр...

Но больше всего претензий предъявляется нашей технике.

Часто случается так: вы видите на экране актера в светлом костюме. Режиссер включает другую камеру, показывающую актера крупнее, и вы с недоумением обнаруживаете, что исполнитель в мгновенное ока «переводился» в темный костюм. Зрители крутят ручки приемника, хотят поправить изображение, но тщетно. «Переводение» устроили передающие трубки, телевизионный центр. При передаче кинофильмов не видна часть кадра. На приемнике вы видите «недостающую» кадр, опущенную рамку. Но ничего не добьетесь, пока наш кинооператор на студии сам ее не поправит. Размер кадра кино и наша рамка не совпадают.

Вы, вероятно, обращали внимание на то, что качество звука при передаче, скажем, спектакля из студии значительно выше, чем в любом кинотеатре. Но при передаче кинофильмов звук мы воспроизводим хуже, чем в хорошем кино. Объясняется это тем, что кинопроекторная аппаратура «разрезает» частоты и шум пленки вы слышите сильнее.

Купив приемник последней конструкции, при первой же мелкой неисправности вы обращаетесь в телевизионную мастерскую. Приходит мастер, и выясняется, что он плохо знает новые телевизоры. Министерство связи не позаботилось о том, чтобы его работники освоили новую технику.

Вместе с зрителем нам хочется предъявить серьезнейшие претензии людям, в руках которых находится техника нашей студии. Министерство связи и Министерство радиотехнической промышленности почти не вводят в эксплуатацию новую технику, не совершенствуют наше телевидение.

С. АЛЕКСЕЕВ,
А. ЗАК,
режиссеры Центральной
студии Телевидения

Николай РЫБАЛКО

ЦВЕТЫ

Автор печатается в виде стихотворения Н. Рыбалко — инвалид Великой Отечественной войны, получивший звание на фронте.

Стихи Н. Рыбалко принимают активное участие в работе литературного объединения при редакции городской газеты. Его стихи печатаются на страницах газеты «КРАМАТОРСКАЯ ПРАВДА», которая и прислала нам эти два стихотворения.

Белый свет со мной играет в журмури,
Мне не светят звезды с высоты...
Говорит мне ласково дочурка:
«Посмотри, какие здесь цветы!»
Знаю, она еще не понимает,
Что остался я с войны слепой...
«Посмотри же, — снова умоляет,
— Это желтый или голубой?»
Я склонился над дочуркой нежной
И сказал ей: «Трагедия душию,
И скажу ей: трагедия душию,
— Я давно уже цветю не в цвету,
Чтобы их всегда выдала ты».

Порой невольно легкая обидка
Коснется сердца твоего крылом,
В моем кармане — книжка инвалида,
Где мог бы быть строфами стихом,
Пускай я снят с военного учета,
Но я солдат и, может быть, двойной:
Я — рядовой того большого фронта,
Который объявил войну войне.
Над светлым классом моего сынишки
Не разразится орудийный гром,
И жидет его не инвалида книжка,
А инженера трудовой диплом!
КРАМАТОРСК

Александр ЯШИН

Забыл директор МТС
Про запах трав, про цвет небес.
Он изнемог,
Он сбился с ног,
Но вопреки желанию
Для новичка найти не смог
Работы по призванию.
Из сотни лишь для одного
Не подбиралось ничего.

Афонский Жорж и сам смущен,
Что без работы месяц он,
Готов без прекословия
На всякие условия.

На трактор Жорж согласен сесть,
Но если новый трактор есть,
На всех других — не дизельных,
Масштаб работы мизерный.
К тому же он пока без прав,
— Пожалуй, в том директор прав.

И на прицеп он мог бы сесть,
Но надо, все-таки, учесть...
Примите во внимание
Его образование.

Так, в мастерские, может?
Что ж!
И тут готов работать Жорж.
Но он откликнулся на зов
Не для ремонта тракторов:
Ему поручено страной
На целину идти войной.

С Афонским главным инженером
И день и два беседует:
— Смогли б учесть, например,
Вы овладеть как следует?

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПИСЬМО

В Артеке пришло письмо из Китая, в котором описаны семена цветов.

Нам письмо прислали из Китая.
Долго шло оно издалека.
С удивлением адрес свой читая,
Надворвали мы конверт слегка.

Все мы рады весточке заветной
Братьев из провинции Синьцзян.
Но в конверте из бумаги плотной
Мы нашли лишь горсточку семян.

Не дыша стояли все вокруг мы.
Как письмо такое разгадать?
И сказал мой друг, что эти буквы
Лишь земля сумеет прочитать.

Незаметно миновали сроки,
И, набравшись сил, из земли
Первые разрозненные строки
Травкой новороздленной взошли.

Вот ростки на солнышке окрепли,
Кажись приобрел особый тон.
И уже на первом тонком стебле
Красный огонек зажег бутон.

И табак росом серебрится,
Белый и прохладный, как зима.
Ожила цветущая страница
Дальнего китайского письма.

И пускай у нашего народа
Речь не та и письменность не та,
Но понятна нам без перевода
Братских чувств большая теплота.

ЖОРЖИК

И секретарь райкома с ним
Работает сточически:
— Ведь мы, товарищ, что хотим?
Ведь мы, товарищ, очень чтим
Шаг ваш патристический.

Для новичка найти не смог
Работы по призванию.
Из сотни лишь для одного
Не подбиралось ничего.

Но сколько ни стараются,
Никак прыжки лыжные
У Жоржа не мешаются
В условия обычные.

Во весь Гилёвский МТС
Для Жоржики нет достойных мест
И он почти не пьет, не ест,
Лишь пьет — не ест,
Все шест мест.

Стоит он у прилавка
И размахивает справками,
Его характеристика
Подшиты листик к листику.

Еще кричит,
Еще ловит,
Но сам теряет мужество.
Не признавать москвичи
Его в свое содружество.

Не верт Жоржику на слова...
А коль сбегать попробует,
Не признавай его, Москва,
Не создавай ему, Москва,
Условия особые!

Гилёвская МТС, Алтайского края

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«АЛТАЙСКИЙ ХЛЕБ»

Так называлась корреспонденция, опубликованная 4 сентября.

Начальник транспортного управления Метростроя тов. Пешов в связи с этой статьей сообщил, что всего московский Метрострой направил в конце июля на Алтай 456 автомашин. Автоколонна метростроевцев обслуживает восемнадцать машинно-тракторных станций и совхоз «Кулунда». Подавляющее большинство водителей Метростроя самоотверженно трудится на вывозе алтайского хлеба, о чем неоднократно писали в местной прессе.

Транспортное управление Метростроя принимает меры к тому, чтобы бесперебойно работали все последние на Алтай машины.

Для оказания практической помощи на месте в организации ремонтного обслуживания автомашин 8 сентября на Алтай вылетели заместители начальника управления тов. Беляев, главный инженер управления тов. Суляков и главный инженер автобазы тов. Лыгин. 7 сентября для помощи МТС в ремонте автомобильного парка, работающего на вывозе зерна, послана дополнительно бригада квалифицированных слесарей.

Одновременно пассажирской скоростью направлено 2,5 тонны запасных частей к автомашинам. Для быстрого оказания технической помощи автомашинам, находящимся на линии, послан автомобиль «ГАЗ-67» (внедорожник).

Необходимое и случайное

А. МАРЬЯМОВ

Со многими людьми знакомимся мы в романе А. Бека и Н. Лойко, опубликованном в трех книгах «Нового мира». Это люди разные. Раскрыты их характеры, мировоззрения, моральные и духовные качества способствуют то, что все они, по замыслу авторов романа, — один прямо и непосредственно, другие косвенно, — введены в атмосферу напряженной борьбы. И хотя борьба эта происходит в области идей сугубо технических, однако в ее перипетиях — именно так, как это бывает и в жизни, — должны раскрыться все главные свойства характера и все, а не только научные, взгляды и способности человека.

Инженер Сырейщиков и группа его единомышленников («сырейщиковцев») решают проблему выплавки чугуна в электрических печах, не требующих применения коксовых газов угля. Как всякие новаторы, они вынуждены преодолевать сопротивление, рассеивать недоверие, сталкиваясь не только с противниками, действующими в силу искреннего убеждения, но и с теми, кто тормозит новое и полезное дело из одной лишь косности, а порою из-за нечистоплотных конъюнктурных соображений. Борьба эта в той или иной мере оказывает влияние и на судьбы тех действующих лиц, которые не принимают в ней непосредственного участия.

Таков в самых общих чертах сюжет романа, озаглавленного «Молодые люди». Назвать сразу привлекает: тема молодого человека, молодого современного всегда была главной и самой животрепещущей темой литературы. И как неосторожно нам в последние годы новых, посвященных этой теме книг!

Радует и первое знакомство с главными героями:

— вот осматривается, выйдя на перрон из поезда, прибывшего в молодой город Ново-Доменск, Шура Поземко, — она только что окончила фармацевтический техникум, получившая путевку в этот город и собирается начинать здесь самостоятельную трудовую жизнь;

— вот защищает дипломный проект выходящая институту, ученица Сырейщикова и будущий инженер-металлург Жени Луньков, — как и у Шуры Поземко, это в его жизни грань, отмечающая переход из юности в молодость, начало биографии...

Потому ли, что он сочувствует идеям Сырейщикова? Нет, он никогда никому и ничему не сочувствует, точно так же, как ни с кем не враждует и ничего не отрицает из личных убеждений. Все его поступки основаны не на убеждениях, не на чувствах, а на расчете. Он попросту жет, в какую сторону повернет ветер. Ежели Сырейщикова поддержит изначально, то для всех будет очевидно, что именно он, Шквариков, первый оказал «сырейщикова» содействие. Ну, а если они провалят, Шквариков несложно будет изобразить дело так, что он всегда считал их затее несобстоятельными, а помогать, точнее, не мешать им, велел ему элементарная беспристрастность и принципиальность... Шквариков очень любит это слово — «принципиальность». За этим словом-дешевкой кажется ему наиболее удобным прятать самую беспартийную беспринципность.

Нужа заменить Шкварикову убеждения, чувства, даже знания.

Шквариков женился на женщине, значительно старше по возрасту, — женился, когда сам он лишь начинал делать свою карьеру, а она уже занимала весьма крупный пост на Ново-Доменском металлургическом комбинате. Женился из-за того, что этот брак мог принести ему известные жизненные удобства: от квартиры до расположения директора завода. Потом, поднимая на новую жизненную ступеньку, оставляя жену и квартиру, и Ново-Доменск, как оставляет транзитный пассажир лежащую на его пути узкую станцию, он подумает: «Сейчас даже трудно понять, почему Катерина (так звали жену, покинутую Шквариковым. — А. М.) казалась значительной, многообещающей личностью? И ведь влюбился! Нельзя сказать, что совсем обходилось без чувств...». Это очень верный, очень тонко подмеченный штрих: да, у такого человека так оно и должно было быть, — даже подобные чувства являлись, когда велел них...

Шквариков уходит из романа, полный самых радужных надежд. Все сложилось для него так, как он хотел. Все его расчеты, все хитроумные ходы пока оправдались. Но, встретившись на это, мы лично ощущаем, что Шквариков — накануне безразличного крушения. Значит, верен и точен не только самый образ этот, но и созданная вокруг него атмосфера. Шквариков неизбежно и скоро должен быть разоблачен, потому что он находится в среде людей, которым глубоко чужд мелкий «интерес», управляющий его поступками.

Много верных жизненных наблюдений вложено в обрисовку таких фигур, как добрый, бесхарактерный, не умеющий разбираться в людях директор Ново-Доменского металлургического института Степан Суворович Степанян; как обернувшийся к прошлому и начинающий утрачивать чувство нового прозаического академик Овсянников; как «старый комсомолец» Орловский или даже появившаяся на несколько мгновений Рима Борисовна, секретарша директора комбината.

Правда, в этих случаях удача авторов носит более частный характер, нежели в целостном и завершенном портрете Шкварикова. Да и роль этих людей в книге не столь уж значительна. Но важно другое: все эти действующие лица романа отнюдь не принадлежат к числу «молодых людей».

Нусть, говоря о Шкварикове, авторы неоднократно и настойчиво подчеркивают, что этот человек не стар годами. Но ведь все равно, вступивший уже в свой четвертый десяток Шквариков не принадлежит к тому поколению, знакомство с которым обещано нам заголовком романа. А ведь заголовок в данном случае является самой прямой и сжатой формулой авторского замысла. Но будь Шквариков даже и помоложе — как ни важен и как ни интересен сам по себе его образ, — не с такими обремененными тяжелым грузом преджитков и неадекватно большими преждевременной «собачьей старостью» молодыми людьми надеялись мы познакомиться в первую очередь, читая книгу А. Бека и Н. Лойко. Жени Луньков и Шура Поземко интересовали нас куда более. Ведь эти авторы изобразили главными героями, намереваясь раскрыть типические черты молодого человека нашего времени.

Что же рассказали нам про Жени Лунькова? Если переписать обстоятельства его жизни, описанные в романе, то покажется, что мы знаем очень многое. Нам известны все этапы пути, по которому шел Жени: сирота, после окончания института, — ассистент Сырейщикова, потом — комсорг ЦК на Ново-Доменском металлургическом комбинате; потом — второй секретарь Ново-Доменского горкома комсомола; наконец — отъезд с Сырейщиковым в Москву, где предстоит Лунькову большая исследовательская и творческая работа...

Знаем мы историю первой любви Лунькова: полюбил красивую, бойкую девушку, вскоре разладил в ней легкомысленную, пыльную и легкую, без сожаления, распростился с этим первым своим чувством. Знаем мы также, как и при каких обстоятельствах зарождалось и крепло влечение Жени к Шуры Поземко.

НА СПЕКТАКЛЯХ ПОЛЬСКОГО ТЕАТРА

РАДОСТНОЕ ИСКУССТВО

Николай МОРДИНОВ,
народный артист СССР

Комедия Ежи Юрандота «Такие времена», поставленная в Польском театре, поначалу кажется очень знакомой, повторяющей многие ситуации и сюжетные ходы некоторых наших схематичных пьес, построенных на традиционном конфликте отсталого директора и передового рабочего-рационализатора. Об этом думаешь, повторяю, поначалу, вернее, даже до начала спектакля, когда листаешь программу с кратким изложением содержания пьесы. Но вот проходит первые сцены спектакля, и вдруг ловишь себя на том, что его герои захватывают твоё внимание, заставляют следить за их судьбой. И вот уже смеешься неожиданным остроумным характеристикам персонажей, веселым комедийным положениям и радуешься благополучному разрешению всех неурядиц.

Все незамысловато, а интересно, как будто знакомое, а увлекает.

Пьеса написана очень непринужденно и лаконично, юмор ее не назойлив, тактичен. В ней нет лишнего персонажа, нет разряжения того, что всем давно известно, — автор доверяет зрителю.

Легко, просто, весело.

Но эта легкость не переходит в легковесность. Наоборот. За нехитрой сюжетной канвой встает большая тема становления нового мира. «Такие времена» — это рассказ о простых людях, строящих новую жизнь, формирующих новые отношения. И, как мне кажется, важнейшая заслуга Ежи Юрандота, режиссера Мариана Выжиковского и всех исполнителей в том, что они сумели очень точно, конкретно передать суть сегодняшней Польши, иной, чем она была еще вчера и чем будет завтра. Сумели запечатлеть эту сегодняшнюю жизнь, в движении, в ее противоречиях. Правда, быть может, не самые острые конфликты жизни отражены в пьесе, но ведь нужно помнить, что это комедия.

Герои пьесы и спектакля живут в современной эпохе, отмечены всей ее неповторимостью.

Вот старый мастер Петрыка — артист Конрад Моравский, — он настойчив в борьбе за свое предложение, которое принесет заводу прибыль, но в то же время как еще робко входит Петрыка в кабинет директора. Он еще не вполне освоился со своим положением хозяина. А молодой рабочий Чижик — артист Мариан Лопч — уже свободен от прошлого. Он держится независимо и смело, твердо настаивает на том, во что верит.

Быть может, ярче всего это переплетение старого и нового, прошлого и сегодняшнего свойственно директору Зелинскому, роль которого с великодушием комедийно зарезюмировал игравший Тадеуш Кондрат. Его Зелинский не герой, не человек, который прокладывает новые пути. Это просто хороший, добродушный работник, ему приятно чувствовать себя начальником, приказывать, принимать, отдавать. Артист дает почувствовать, что в другие времена его директор мог бы стать настоящим чинушью, бездушным бюрократом. Но сейчас само общество, коллектив тянет его, подпират со всех сторон. Хотел отмахнуться от нововведений, его пристыдил друг детства — писатель; решил бросить завод, а молодой рабочий Чижик, изменив свое прежнее решение, остается на работе, как бы подает ему пример. Зелинского точно несет великодушное течение жизни, и мы видим, как в нем все больше просыпаются хорошие свойства, как побеждают качества, воспитываемые сегодняшним днем.

От нового — не уйти! Об этом говорит спектакль.

В «Таких временах», так же как в постановке классической пьесы Фредра «Муж и жена», во всем блеске проявилось комедийное искусство польских артистов. Они свободно выполняют труднейшие

сценические задачи, щедро обогащают драматургический материал. Вот пример точной комедийной находки.

Как преображается Зелинский — Кондрат, узнав, что в него якобы влюблена секретарша Эля. Мгновенно затянута небрежно повязанный галстук, надет, тщательно одернут пиджак. Входит Эля, и головка Зелинского склонилась набок, галантный жест, на лице обаятельная улыбка. Но, оказавшись, секретарша любит другого. Он не изображает разочарования и огорчения. Ошибка — так ошибка. Пиджак вешается обратно, галстук распускается, деловито засучиваются рукава — фронталь больше незначит. Без улыбки, а все понятно и смешно.

В этом нет трюка, это не бездумное веселье. Я внимательно следил за игрой польских товарищей и в «Муже и жене» и в «Таких временах» и восхищался их умным юмором, глубокой наблюдательностью в самых, казалось бы, легких, пустячных сценах.

Актеры Государственного польского театра рисуют образ многогранно. Яглом с лией главной действия они умело плетут кружева бытовых черточек, подробностей, что создает такую трепетную, теплую ткань настоящей жизни. Подчас эти как будто бы восторженные черты контрастируют с основным зерном образа, придают ему неожиданное, оригинальное звучание.

Да, Дорота, жена Зелинского, — мешанка, человек-пустышка, мечта о Варшаве, о блеске столичной жизни кружит ей голову. Как просто было Барбаре Лоджиканке нарисовать отталкивающий образ воступившей обывательницы. Но ее Дорота женственна, изящна, покоряющая даже в своей глупости. Это, если можно сказать, очаровательная дурочка. И понятно, почему так трудно сопротивляться ее обаянию писателю Скупеню. Великолепна сцена его «обольщения». Отчетливо видно, как в течение минуты переходит Скупень от насмешки и вежливого презрения к любви, затем к интересу — увлечению — страсти и, наконец, к смущенному отрезанию. В этом эпизоде раскрывается разнообразный талант Песлава Волыяка. Советский зритель видел его влюбленного Шопена в фильме «Юность Шопена» и ловкого светского жура Алфреда в «Муже и жене». Писатель Скупень в исполнении Волыяка — мужественный, умный человек. В таких разных образах артист ясно показал свой большой дар перевоплощения.

В сценической манере польских артистов пленяет богатство мимики, отточное мастерство диалога, свободное владение телом. Это позволяет им играть смело, щедро, говорить со зрителем полным голосом. Яркость, выразительность сочетаются в их исполнении с легкостью и непринужденностью. Нет! Это не бездумное веселье. Это умное, осознанное веселье людей, знающих цену и эпохе «Мужа и жены» и эпохе Новой Луцы. Это смех сильных, уверенных в своей правоте художников.

Мне кажется, есть и для нас поучительные вещи в радостном, полнокровном, зажигающем искусстве польской комедии. Оно заставляет подумать о том, что иногда в произведениях литературы и театра мы без нужды серьезнеем, утяжеляем простые вещи, мудрствуем, дышим собой и зрителя радуем веселых переживаниями, которые так щедро предлагает нам жизнь.

Прошло два года, как я был в Польше и имел возможность познакомиться со сценическим искусством наших друзей. За два года польский театр явно вырос. И мне радостно, что настоящий успех венчает труд наших польских коллег, радостно потому, что их победы — наши общие победы, победы лагеря мира.

жизни вытесняется литературщиной. Так именно и случилось в романе «Молодые люди» с Шурой Поземко, провинцором Ново-Доменской центральной аптеки. Ветхика котурман являлся для нее придуманная авторами и навязкой литературная биография тяжелой охотницы, существующая как бы отдельно от поступков Шуры и от дальнейшего развития ее характера. Завота о правдоподобии мелких, трепетных подробностей атлетичного быта отвлечь авторов от несравненно более важных забот о том, чтобы показать, как формировался и развивался характер девушки в новых обстоятельствах. Ведь, право же, Шура, учащаяся в самом начале романа от внезапно разгаданного ею Алексея Кистяковского, ничем не отличается от той Шуры, которая на последних страницах книги приезжает на вокзал, чтобы проводить Лунькова в Москву. Ощущение неубедительности, надуманности возникает почти при каждой вострещении читателя с молодым фармацевтом.

Многими литературными штампами обременен и образ Валерия Николаевича Сырейщикова, с его неустойчивостью, неблагодарностью и полным равнодушием ко всему, что находится за пределами его научных трудов.

Ставкой своих героев в первых главах романа, авторы стремились сохранить непосредственность событий, присутствующую действительной жизни. Случайно захватив ночью в аптеку за понадобившимся отцу лекарством Алексеем Кистяковским — и познакомился с Шурой. Случайно столкнулся Шура и Евгений на новомодном вечере во Дворце культуры. Все это правдоподобно. Но авторы забыли об одном непреложном законе искусства, пресловудно сформулированном Н. Г. Чернышевским: «необходимость облекать в искусство форму случайности». Доверившись случайностям, не подчинив их необходимости развития сюжета своей книги, авторы, сами того не заметив, расставили для себя множество капканов. Именно поэтому заключительные главы романа так изобилуют внезапными, механическими развязками, насуп завершающими судьбы, авторскими констатациями, восполняющими недостаток действительных решений.

Несоответствие между широтой замысла книги и ограниченными возможностями избранного авторами сюжета, увлечение второстепенными деталями в ущерб решению важнейших задач, недостаточная четкость в определении этих задач — все это и привело к тому, что заманчивые обещания, заключенные в заглавии и в первых главах романа «Молодые люди», остались невыполненными.

Нерешенные вопросы

Г. ШОЛОХОВ-СИНЯВСКИЙ

Приближается Второй съезд советских писателей. Это событие нас тщательно разрабатывают в своем большом литературном хозяйстве, подытоживают опыт междусъездовского десятилетия, выявляют действительные наши достижения и промахи, вскрывают причины серьезных недостатков в работе, намечают дальнейшие пути улучшения ее. Но чтобы сделать это, надо хорошо знать свое хозяйство, не упустить ничего действительно ценного, любознательно плести от драгоценных зерен. Пожелаем, в этом и заключается основное содержание подготовки ко Второму съезду.

В канцелярии превосходного особняка на улице Варовского хранятся сотни папок, заведенных на каждого литератора, есть в Союзе писателей, как в каждом солидном учреждении, и отдел кадров и многочисленные комиссии; стенограммы обсуждений рукописей и книг аккуратно складываются в архивы и забываются на другой же день... Но вряд ли кто-нибудь из руководителей ССП или его комиссий может составить ясное представление о содержании и значении того или иного литературного явления на периферии.

В последнее время приходится все чаще слышать в читательской среде о том, что в Союзе писателей существует как бы навсегда установившаяся «обойма» писателей, о которых говорят и пишут, когда речь заходит о каких-либо датах или достижениях советской литературы. Создается впечатление, что советская литература исчерпывается этим всегда и везде, во всех докладах и статьях приводимым списком. Так ли это на самом деле? Так ли бедна наша литература, так ли мало сделали за 20 лет наши писатели, чтобы ограничить их круг десятком имен всем известным литераторам? А ведь без анализа всего богатого содержания советской литературы, без раскрытия основной особенности той или иной ее поры на конкретных, наиболее характерных примерах, нельзя дать и общей правильной картины ее развития.

Такого глубокого и всестороннего раскрытия богатого опыта нашей всевозможной литературы за 20 лет мы не встречаем в статьях наших критиков и литературоведов. А как интересно было бы подытожить перед съездом, что нового, подлинно художественного дала литература краев и областей? Что изменилось в ней качественно за прошедшие 20 лет? И можно ли обходиться малым этим обширным участком или ограничиться краткими сухими отчетами с мест о предсъездовских конференциях и собраниях? Немного дают перечни имен и названий книг, если так и остается неясным, как развивалась и крепла литература Дальнего Востока, Сибири, Юга России, что является характерным и основным в ее росте.

Наша читательская общественность порою лучше и глубже знает многие удачные советские литературы, вернее и своевременнее судит о них, нежели Союз писателей. Многочисленные читательские конференции — свидетельство того, что наша литература очень богата, что лицо ее не определяется только ведомственным, как бы «наивно» апробированным списком книг и писателей, возведенных — и не всегда заслуженно! — в ранг маститых. В обширные читательские фонды вошли книги писателей-сибиряков Николая Задорова, Константина Седых, Георгия Маркова, рязовчан Михаила Соколова, Валентина Захаркина, Ивана Василенко, Дмитрия Петрова (Бирюка), Анатолия Калининна, крымчанки Евгения Поповкина, дальневосточника Дмитрия Нагишяна, красноярца Сергея Сартакова, иванова Михаила Кочнева, краснодара Павла Ишакова и многих других. Далеко не

все указанные книги правильно оценены нашей критикой, иные и вовсе не замечены. И вот читатели, знакомясь, например, с монументальным романом К. Седых «Даурия», не понимают, почему эта книга во значительности темы и своим художественным достоинствам уступает какому-либо другому большому произведению на современную тему, или, скажем, почему «Семья Рубанов» Е. Поповкина хуже других произведений о Великой Отечественной войне, поставленных в «общий ряд» советской литературы?

Популярность как тех, так и других книг среди читательской публики, некоторые произведения, не вошедшие в «твердый» список, являются наиболее читаемыми и любимыми в народе. Почему же они не оценены до сих пор критикой? И почему переделаны критикой, на мой взгляд, посредственные вещи А. Володина, В. Добровольского и других?

Все это свидетельствует о том, что наше богатейшее литературное хозяйство на протяжении двух десятков лет как следует, по-хозяйски, не изучалось. Правление ССП немало сделало для подъема и сдвигания наших братских литератур. Большая воспитательно-учебная работа проведена с писателями краев и областей. Но при всем этом незначительный штат правления (секретариат, комиссии, секции) в своей повседневной деятельности не всегда осуществлял подлинно живую связь с периферийными писателями, не изучал их творчества, отдавая время узковедомственным мероприятиям, ненужной канцелярии, заседаниям...

Неудивительно поэтому, что в канун Второго съезда творческая работа многих писателей оказалась неизвестной. В последнее время в печати появились интересные статьи, затрагивающие отдельные творческие и организационные вопросы, но не позволяющие в полной мере вернуться к кругу обсуждаемых произведений?

Читатель ждет услышать справедливые и глубокие оценки тех или других литературных явлений, он сам желает высказаться в печати по многим литературным вопросам. Пусть смелее представляются ему трибуны наши газеты и журналы! Довольно редакциям стыдливо прятать квалифицированные читательские отзывы! Хватит библиографическим отделам издательства выполнять пассивную роль «регистраторов» читательских писем, ограничиваясь пересылкой их авторам!

Одной из форм подготовки к съезду явилась республиканские писательские съезды, краевые и областные отчетно-выборные собрания литературных организаций. К сожалению, секретариат ССП чаще всего насильно подбирал представителей на эти собрания.

Мне довелось побывать на двух писательских собраниях — в Адыгее и в Ростове-на-Дону. Ни выступление писателя В. Немцова на собрании адыгейских писателей, ни выступление критика Е. Златого в Ростове не отличались большим знанием творчества местных литераторов. Они не смогли сделать обобщающих выводов, которых от них ждали, не осветили многих злободневных вопросов, которые всех волновали. В результате и адыгейское и ростовское собрания прошли вяло, тихо, без нужного полемического накала. Остались нераскрытыми и творческие и многие организационные вопросы, не выявлены были неполадки, мешающие полнокровной

жизни местных литературных отделений, проявляющих слабую активность в решении первоочередных творческих задач, синих и для Москвы, и для Ленинграда, и для Сибири, и для Адыгеи и Дона, — словом, для всей советской литературы.

Отдельные удачные доклады и выступления не складили общего впечатления неполноты и приращенности прений по самым, казалось бы, острым и живым вопросам. Неужели задача заключалась в том, чтобы прослушать обтекаемые, очень сходные в общем доклады и проголосовать за постановление, как будто списанное со всех предлудных? Или эти доклады — только способ сбора поспешной информации о работе местных писательских организаций? Но ведь в этих чисто ведомственных отношениях нет ни одной живой мысли, в них не трепещет горячий пульс живого творческого коллектива.

Мы уверены, что это не так, но мы обязаны теперь же, в период подготовки к съезду, обратить внимание руководства Союза писателей на допущенные во многих случаях формализм и казенщины в проведении важной предсъездовской работы. Не все продумано, по-моему, в порядке выбора делегатов на Второй съезд писателей. Механический подход к этому делу — выборы одного делегата от пяти членов Союза писателей — приведет к тому, что одни писательские организации будут представлены слишком густо, а другие — пусто. Это несправедливо. Представительство на съезде должно измеряться общим творческим весом писательской организации, активностью, творческим опытом и мастерством делегируемых писателей.

Формальный принцип представительства приводит к тому, что, например, из восьми писателей адыгейской организации делегатов на съезд избран только руководитель организации, и в числе делегатов нет старшего адыгейского писателя, основоположника адыгейской литературы, заслуженной Сталинской премии Тебоба Керашева. Второй пример: из двадцати членов ростовской организации избраны только председатель правления М. Соколов, заместитель председателя А. Калинин, секретарь парторганизации А. Оленко-Генескин и редактор альманаха «Дон» В. Назомский.

Правда, при выборе делегатов выяснилось, что не попавшим в их число laureата Сталинских премий будет представлен дополнительный членом. Стало быть, уже обнаружилось несерьезное и несоответствие установленного порядка выборов с жизнью. Конечно, не обязательно, да и невозможно присутствие на съезде всех писателей, но какие-то разумные пропорции в представительстве должны быть соблюдены.

Такие и подобные этим немоты должны быть тщательно учтены и устранены. При этом надо учесть опыт подготовки к Первому съезду, когда под непосредственным руководством А. М. Горького, чуткого и внимательного ко всем без исключения писателям, была проделана громадная организационная и объединительная работа. Не потому ли Первый съезд советских писателей был подготовлен очень хорошо и превратился в мировую трибуну писателей всех творческих направлений и жанров, в трибуну, на которую были устремлены взоры всего прогрессивного человечества, всех наших друзей и союзников?

Мы, советские литераторы, не сомневаемся, что и Второй съезд станет таким же большим событием. Мы уверены, что живой источник литературы забудет со всей силой, что голос советского писателя-трудящегося, представителя самой передовой на земном шаре литературы, зазвучит на весь мир!

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Северная Осетия

Постоянно закончилась первый съезд писателей Северной Осетии. Советская осетинская литература, — сказал в своем докладе председатель правления республиканского ССП М. Цагаев, — успешно борется против рецидивов чуждых, националистических влияний, творчески осваивая традиции русской литературы, традиции осетинских классиков Коста Хетагурова и Арсена Коцоева, достигла заметных успехов. Можно назвать романы Б. Бодиева «Разбитая цепь», Е. Уруймаговой «Наветречу жизни», Д. Мамсурова «Тяжелая операция», некоторые поэмы А. Ивлева, Ивана Джанаева, популяризуемые А. Токана «Женщина» и другие.

Доклад и выступления писателей на съезде были проникнуты чувством большой ответственности за развитие родной литературы. Отмечалось, что за последние время слабо растет и совершенствуется осетинская поэзия, отстает литературная критика. Много недостатков в организационной работе Союза писателей.

Основному докладу и особенно докладу по прозе не хватало конкретного анализа художественных произведений, но выступавшие в прениях товарищи стремились восполнить этот недостаток. Оживленный обмен мнениями вызвали произведения Т. Елишева, Е. Уруймаговой, Г. Байтукоева, Р. Хубеновой и других. Отлично отметились интересные выступления молодых осетинских литераторов.

Выступивший на съезде секретарь обкома КПСС тов. Кабалов особо подчеркнул необходимость более тесной связи писателей с жизнью. О творческой и воспитательной роли писательских организаций говорил руководитель делегации ССП СССР Ю. Либенский.

Председателем правления ССП Северной Осетии избран М. Цагаев.

гор. ОРДЖОНИКИДЗЕ. (Наш корр.)

Кабарда

С трибуны Первого всесоюзного съезда советских писателей А. М. Горький упомянул о зарождающейся литературе маленькой советской республики Северного Кавказа — Кабарды. Зоркий глаз великого художника заметил ростки литературы у народа, лишь несомненно до этого получившего собственную письменность.

Наше кабардинское литературное творчество развивается и развивается в творчестве стихов и поэмах видных поэтов В. Начева и Али Шогенцукова, произведениями современных писателей — прозаика Х. Теунова, поэтов А. Кешокова, А. Шагшугукова, сказителя Амраха Хавлачева и других.

Расширяется связь кабардинских литераторов с писателями братских республик. На кабардинский язык переводятся произведения русских и украинских поэтов; в Москве издаются рассказы и повести Х. Теу-

нова, стихи А. Кешокова, повести А. Шортанова и З. Аскерова. На кабардинском и русском языках издаются альманах «Кабарда».

На состоявшемся недавно отчетно-выборном собрании кабардинских писателей докладчик Адам Шогенцуков и выступавшие в прениях писатели, отмечая рост родной литературы, в то же время говорили о многих нерешенных вопросах, неизжитых недостатках. Уже в течение ряда лет сборник рассказов и повестей Х. Теунова остается единственным значительным явлением в кабардинской прозе. Недостаточная требовательность к своему труду нагубно отразилась на небольшом числе произведений кабардинских поэтов и драматургов.

К сожалению, А. Шогенцуков не вскрыл недостатков в работе писательской организации. Выступавшие говорили о том, что в Союзе писателей Кабарды царит дух самозащиты, приводили конкретные примеры. Творческие дискуссии, обсуждения отдельных произведений не проводятся. А ведь, пожалуй, в обстановке деловой, принципиальной критики, в обстановке товарищеской требовательности друг к другу не смогли бы возникнуть такие непереносимые явления, как например, комедия Т. Шогенцова «Суратхан недобродня», не имели бы места аморальные поступки, совершенные некоторыми писателями.

Приходится сказать и о том, что ни в докладе, ни в содокладах, ни в выступлениях не было развернуто достаточно серьезного обсуждения творческих вопросов — о положительном герое, о сатире и др. Зато неоправданно большое место заняли на собрании мелочные попреки по адресу Х. Теунова. Напомним, почему газета «Кабардинская правда» в отчете о собрании также сочла нужным чересчур пространно воспроизвести эти попреки вместо того, чтобы привлечь внимание своего читателя к более важным вопросам.

На собрании кабардинских писателей выступили представители братских республик: И. Нагишяна (Украина), Б. Шингула (Абхазия), Т. Керашев (Адыгея), руководитель делегации ССП Ю. Либенский и московский критик В. Гюффеншер. Председателем нового правления ССП Кабарды избран В. Каратаев.

НАЛЬЧИК. (Наш корр.)

Сталинград

Состоялось отчетно-выборное собрание Сталинградского отделения Союза советских писателей.

На читательских конференциях, в печати уже не раз справедливо говорилось, что, изучая жизнь народа, жизнь города-труженика не находят должного отклика в творчестве сталинградских писателей.

В чем же дело? Естественно было услышать ответ на этот основной вопрос в отчете. Однако в отчетном докладе ответственный секретарь отделения ССП М. Лобачев, не

покусившись выдать авансом немало хвalebных фраз начинающим авторам, обошел молчаливо промахи и ошибки, мешающие росту писателей, а задно и ряд волнующих писательскую организацию творческих вопросов.

Значительное место в отчете было уделено полемике со статьей В. Попова «Возвращаетесь ли вы к литературе?» («Литературная газета», № 93), критикующей работу Сталинградского отделения ССП. Тов. Лобачев называл критику необщественной, недобросовестной и т. д.

Такое отношение к критике, к сожалению, не случайно для руководителя сталинградского писательской организации. Ни одна критическая статья в областной газете «Сталинградская правда» не оставалась без возражений и опровержений со стороны тех литераторов, в чей адрес она была направлена. Писатели М. Лобачев и В. Чехов воспринимали критику, как личное оскорбление. Однако, как показал ход отчетно-выборного собрания, правы были критикующие, а не докладчик.

В прениях много места занял разбор мелких, непринципиальных обид местных литераторов друг на друга. Мелочная перебранка отдельных ораторов, несомненно, помешала собранию всемерно обсудить вопрос, на чем сейчас работают писатели, какие волнуют их проблемы. Собрание не обошло лока, например, тот факт, что вот уже который год писатель Н. Сухов не может опубликовать в местном издательстве свой роман «Кавалер». Жуже пристрастно работает сейчас поэт В. Костин. Много справедливых претензий у читателей вызывает альманах «Литературный Сталинград». Редко проводится в Сталинграде творческие вечера, дискуссии. И сейчас, накануне Второго всесоюзного съезда писателей, в жизни и в работе местных литераторов не чувствуется подъема, оживления.

Нельзя сказать, что все эти вопросы не нашли отражения в прениях. Об этом справедливо говорил, например, писатель В. Матушкин, который отметил, что, несмотря на критику прошедшего отчетно-выборного собрания, М. Лобачев не активизировал свою работу.

Секретарь Сталинградского обкома КПСС В. Краевич призвал писателей энергичнее вторгаться в жизнь, активнее вести общественную деятельность, совершенствовать мастерство.

Представители правления ССП Л. Буревалых и А. Караваева проанализировали недостатки в деятельности Сталинградского отделения. Отсутствие здоровой творческой атмосферы часто мешает писателям-сталинградцам своевременно вскрыть слабые стороны своей работы и коллективно исправлять их.

Собрание признало работу бюро отделения ССП неудовлетворительной и избрало новый состав бюро. Ответственным секретарем отделения избран Н. Мизин. Избраны также делегаты на Второй всесоюзный съезд писателей.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

ИЗОБИОГРАФИЯ

Сначала он был поэтом, потом критиком, потом редактором, а, наконец, подсаживая свою возможность... ..решил, что может ничего не делать. Рис. Е. Гурова

О повести „Оттепель“ И. Эренбурга

Обзор писем читателей

Новая повесть Ильи Эренбурга вызвала многочисленные отклики читателей. Оживленные отклики вызвала также и poleмика И. Эренбурга с Б. Симоновым по поводу его статьи об «Оттепели».

Многие читатели, по-разному оценивая повесть, указывают на необходимость объективной ее оценки и считают несправедливой критику «Оттепели» на страницах «Комсомольской правды». Так, читатель Н. Ровенский из Алма-Аты возражает против того, что повесть Эренбурга поставлена здесь чуть ли не на одну доску с порочными, халтурными писемцами Л. Зорина, П. Горючего, А. Мариненко, и подробно анализирует «Оттепель», отмечая, что Эренбург понахалствует своеобразно обрисовать положительные образы: «Лучшие качества советского человека здесь не заостряются, не сосредоточиваются в каком-то одном положительном герое... писатель стремился усилить впечатление массовости умного, честного, положительного в нашей жизни». В соответствии с таким заявлением «мы не видим резкого столкновения положительных и отрицательных героев...».

Читатель М. Борисов (Москва) также решительно возражает против попытки поставить повесть Эренбурга «в один ряд со списком халтурных писемцами Л. Зорина, П. Горючего, А. Мариненко»; к нему присоединяются и работники М. Брагинский из Киева и Г. Полоцкий из Верхне-Днепринска. Последний пишет:

«Ценность повести состоит в том, что она будоражит душу, поднимает из глубины ее самые противоречивые чувства... Но, несмотря на все неоспоримые достоинства произведения, читатель им не полностью удовлетворен. В нем чувствуется какая-то натянутость, недомолванность, а порой и фальшь. Быть может, это происходит оттого, что в повести много говорится о труде, но люди в процессе труда почти не выведены».

По мнению некоторых читателей, повесть, несмотря на неудачу некоторых образов, ценна тем, что писатель орудует против халтуры, против приспосабливательства, карьеризма, равнодушия к человеку.

«Мне кажется, — пишет В. Чичи (Севеоморск), — что автор повести «Оттепель», обисывая отдельные темные сторо-

ны жизни, призывает читателя бороться с ними, стремиться к чистому, светлому. Чем больше будет появляться таких произведений, тем меньше журавлевых, пуховых и танечек будет в нашем обществе».

Большинство читателей поддержало критические замечания, высказанные К. Симоновым. Однако есть много и писем, авторы которых полемизируют со статьей К. Симонова и отмечают положительное значение «Оттепели», как произведения, в котором затронуты острые вопросы.

Оспаривая положения К. Симонова, читатель Ю. Тимофеев (Харьков) считает, что «Оттепель» «является весьма своевременным произведением, реалистично, без всяких слончих украшений показывающим жизнь с каждодневной борьбой за лучшее будущее, с неудачами и победами».

С точки зрения читателя В. Емова из дер. Зарубино, Рязанского района, Калининской области, в повести «увидят себя Лены и Коротеицы, Соколовские и Шерер, Сабуровы и Пуховы-старшие, возмутятся Володя и красавец Хитровый, замучаются Володя и Танечки... Эта книга — полезная книга...».

Многие читатели, высказывая критические суждения о повести «Оттепель», поднимают в связи с ее оценкой общие вопросы о задачах и роли искусства. Читатель В. Кузьмин (г. Горький) пишет:

«Одна из героинь повести, Соня, однажды сказала: «Книга должна воспитывать, а не сбивать с толку». К сожалению, повесть И. Эренбурга не воспитывает».

Стоя на позициях критикует офицер В. Котко и некоторые другие читатели, приходя к тому же выводу: в повести отсутствует ясная линия, поставленные вопросы так и остаются художественно нерешенными.

Отмечая ряд достоинств повести, вселюбляющий М. Двоскин пишет, что его не удовлетворяет образ Журавлева, судьба которого решается упрощенно, не удовлетворяет и образы Володы Пухова и Танеч-

ки; по мнению тов. Двоскина, явления жизни искусства и производственной жизни заслуживают внимания, но искусство должно их глубоко раскрывать, объяснять и оценивать. Такого глубокого раскрытия и определенной оценки нет в повести: «Общее впечатление от повести: много вопросов поднято, но мало решено».

Многие читатели особенно подчеркивают, что литература должна правдиво и безбоязненно критиковать наши недостатки, разоблачать фальшивых и чуждых людей.

А. Цуанова (Моск. обл.) пишет, что «противоречит жизни, притит читателю, когда писатель изображает современность подобной манной каше с малиновым вареньем, а современников — схематично будущего, усматривая в этом принципы социалистического реализма. Но и отрицательные моменты, являются ли наследием прошлого или порождены ошибками настоящего, должны являться не просто фотографированием их, но только художественным макама. Оригинальные явления должны быть осмыслены писателем. Иначе говоря, читатель (а он стал довольно-таки грамотен) ищет в писателе не только художника слова, но и мыслителя. Мыслителя, перво-наперво оценивающего противоречивые стороны описываемого явления, смотрящего вперед и угадывающего пути развития, угадывающего то новое, что должно родиться в итоге борьбы описываемых им противоречий».

Повесть И. Эренбурга «Оттепель» оставляет легкий отпечаток грусти, обиды за обиженных советских людей. Как? Советским же людьми. Конечно, жизнь говорит, что это бывает, но почему так бывает и что нужно, чтобы этого не было, — повесть ответа не дает. Жизнь же учит, что борьба идет отчаянная, но побеждает в конечном счете всегда человек, выразитель прогресса, человек свободного труда, честный души и умом».

Особое внимание уделяют читатели художественным недостаткам повести, отмечая бедное, поверхностное изображение людей и событий.

По мнению ряда товарищей, в «Оттепели» не переданы большие общественные дела, которыми живут советские люди. Читатель Г. Шапир (Москва) пишет: «Боль-

шинство участников повести показано на фоне чисто личных отношений. Они не объединены общей идеей, одним устремлением. Не знаем даже, кого из них отнести к главным героям повести».

«События нашей жизни, — пишет московская учительница Н. Берновская, — не занимают сколько-нибудь значительного места в повести. Можно только позавидовать той спокойной небрежности, с которой автор говорит о них: одна фраза на каждое событие, и вопрос исчерпан. Но ведь о таких вещах надо или вовсе не говорить, или говорить серьезно. Если рамки повести не дают таких возможностей, значит, надо писать ее повесть... «Я не знаю, как это делается, иначе, наверное, писала бы сама повесть, а не это письмо, но от литературы мы ждем опущения радости жизни, красоты людей, их дел и чувств, живого ощущения важности и величия нашего дела, энергии и вдохновения, а не чувства потерянного времени».

Это чувство неудовлетворенности, по мнению читателей, объясняется художественным несовершенством повести и неглубоким раскрытием внутреннего мира героев: «Первое ощущение, которое поражает — это какая-то однообразная бесплотность всех фигур: читаешь слова, узнаешь из них факты и никак не можешь подхватить свое воображение настолько, чтобы оно восприняло за этим какую-то реальность. Повествование идет сплошной серой пеленой, людей нет, видны только поштыки создале какую-то внешнюю характерность... Или нам можно быть достаточно одной минутой беспричинно хорошего весеннего настроения в конце повести?».

Читательница В. Шалдерван (Киев) критикует писателя за неясное отношение к вскрываемым недостаткам. «Повесть-фотография нам не нужна, — пишет В. Шалдерван. — Мы видим многие недостатки и пороки, еще будущие в нашем обществе, но вы, писатели, да еще такие, как Илья Эренбург, должны так эти пороки преподнести читателю, чтобы они почувствовались, чтобы это нашло на здоровом теле, чтобы его вскрыла и что он неизбежно заживет в ближайшем времени».

Читатель А. Комиссаров, зоотехник с. Вишневки, Акмолинской области, сетует на то, что в повести мелькает множество недействующих, только названных, но никакой роли не играющих лиц:

«В одной тринадцатой главе упоминаются недействующие: Сибирцев, Лошаков, Геннадий Чижов, Белкин, Родионов, Сашунин... В «Десятом вале» у Эренбурга 246 персонажей, считая всех эпизодических. Но прочитав повесть произведение с интересом, а «Оттепель» ничем не обогащает, в ней нет ни определенных характеров, ни определенной идеи. Это череповик!».

Указывая на эскизность, неразработанность характеров, тов. Комиссаров останавливается на образе директора завода Журавлева: «Чуть-чуть намечаются драматические узлы, конфликты, в которых, при их развитии, проявилась бы этот характер и была бы понятна трагедия изменения личности». Но, не видя Журавлева в его делах, в действиях, нельзя понять сущности этого характера, увидеть логику его развития. Неясность отношения автора и противоречивые оценки, которые дают Журавлеву персонажи повести, не удовлетворяют читателя: «Из суммы высказываний о Журавлеве без его поступков, а главное, без его души мы не можем его понять. Он остается серым, инертным. Ему отказано в праве на внутренний мир. Это суд без самоощущения. Прежде чем выносить ему приговор, художник должен показать его сущность, показать, почему он стал таким. Заранее аллюзия для Журавлева роль бюрократа, Эренбург не смог поставить в психологическую зависимость от этой основной «затянутой» черты характера другие свойства характера...».

Остановившись на образе Соколовского, автор письма отмечает и в нем противоречивость и неясность; он горячо возражает против мыслей Соколовского о том, будто «человечество только начинает мыслить».

«Благодарим покорно, — восклицает автор письма, — не человечество ли мыслит в лице Пушкина и Шекспира, Чехова и Горького? И после этих странностей и колостей «героя» Эренбург желает вызвать сочувствие к этому человеку с «широким горизонтом»? Так «широко», внешне исторически судить — значит судить очень узко».

Большое, подробное письмо прислал Ю. Иванов. Наиболее удачным представляется ему образ Журавлева, в котором писатель «удалось вскрыть существенные черты бездушной бюрократии». Но обращая к И. Эренбургу, Ю. Иванов говорит: «Верно ощущение тип. А вот насчет появления и исчезновения Журавлевых... Какой путь искоренения Журавлевых вы

предлагаете? «Надо воспитывать чувств... «Если в человеке есть благородство, он не солжет»... Сами вы не верите в этот принцип и пытаетесь дать другое решение: Журавлевых несенна сила, потому что «теперь не такие времена, чтобы Журавлеву удалось угробить Соколовского». Но почему же из самой логики развития событий в повести это не вытекает?.. Свят Журавлев не логика развития человеческих отношений в повести, а авторский волей... бура разрушила гнилые дома рабочих... Ваша бура — тот же «deus ex machina» древних. Бура выдумана так же, как и оттепель».

«Оттепель» без настоящего тепла, — так называет произведение И. Эренбурга учитель Ф. Яновлев из Молотовской области.

Механик И. Хабаров из Намастолья свой отзыв об «Оттепели» написал в форме «Открытого письма Илье Эренбургу»:

«Я пишу вам потому, что глубоко уважаю вас. Я пишу вам потому, что вы — один из лучших инженеров человеческих душ нашей страны... Нет надобности говорить о том, какой вклад вы внесли в литературу, как обогатили, благодаря вам, ее золотой фонд; об этом знает каждый советский читатель, об этом знают тысячи зарубежных читателей. Но если народ платит писателю любовью и признанием за помощь в общем деле построения нового общества и воспитания нового человека, борна и коммуниста, то народ вправе и не прощать писателю его ошибок и заблуждений, которые тем опасней, чем выше авторитет автора».

Вы написали новую повесть «Оттепель»... Не толкнет ли она некоторых на неверный путь пассивного копирования в человеческих душах, в частных фактах жизни, без прочной связи с общим направлением этой жизни, без ясно выраженного отношения к ней? У нашей литературы давно стало традицией отражать в своих произведениях те вопросы, которые стоят в повесте для жизни народа. Вы были одним из лучших последователей этой замечательной традиции. В последней повести вы отошли от нее... Все герои «Оттепели» поставлены в такие взаимоотношения, что на протяжении всего повествования каждый из них только и делает, что занимается своими личными чувствами и не видит пера собой ничего и ничего...»

(Окончание на 4-й стр.)

КАТАСТРОФА В ФАЛЬЦЕ

Несколько дней над районом Битбурга (земля Рейнланд — Фальц, Западная Германия) висели зловещие мрачные клубы черного дыма, напоминали о случившемся здесь только что чудовищной катастрофе. На американской военной базе около Битбурга взлетел на воздух ползающий склад горящего. Взрыв произошел в результате опасного военного эксперимента.

Десятки погибших, десятки тяжело раненных и изувеченных на всю жизнь людей, огромный материальный ущерб — таков итог этого очередного испытания, осуществленного «атлантическим» командованием. По предварительным данным, 35 человек убиты, больше 50 — получили увечья.

Это — не первая катастрофа, являющаяся прямым результатом военных приговоров, проводимых в «боннском республике» по приказу Вашингтона. В 1948 году в Людвигсхафене произошел взрыв на химическом заводе «Бадше Анлин унд золд верке», погибли более двухсот человек. Через год в Эйфеле взлетел на воздух склад американского оружия, погибли четырнадцать человек.

Мистер Конант, верховный комиссар США в Германии, всеми силами старается, чтобы Битбург исчез из поля зрения печати и общественного мнения. Западногерманским газетам строго приказано не касаться этой темы. Доступ в район Битбурга закрыт. Оказавшиеся там фоторепортеры были просто-напросто арестованы, чтобы мир не увидел ужасов катастрофы. Но правда просачивается и сквозь железный занавес, вздрагивают Конанты.

«Место катастрофы», — пишет западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг», — напоминает поле битвы. Вдоль линии фронта, в нескольких километрах от Битбурга, лежат разбитые танки, разбитые самолеты, разбитые автомобили, разбитые дома. Ущерб исчисляется в нескольких миллионах марок».

Известный французский общественный деятель и активный участник движения сторонников мира аббат Булле, во время катастрофы находившийся в Веймаре (Германская Демократическая Республика), заявил представителям печати: «Положе на то, что в Битбурге не просто взорвался склад с боевыми, как уверяет американская сторона, а что речь идет о... секретном взрывчатом веществе». В самом деле, не по этой ли причине мистер Конант так старательно окружает завесой молчания события в Битбурге?

С взрывом в Битбурге совпали по времени организационные на территории Западной Германии американским командованием «атлантические» военные маневры, тоже нанесшие большой ущерб мирному населению и народному хозяйству. В одном только районе Шпубах, пишет газета «Юнге вельт», «наступило» американских танков почти полностью уничтожено урожай картофеля и репы. Убытки исчисляются в 100.000 марок — это лишь в небольшом районе! Имеются и человеческие жертвы — немецкие жители, заданные танками и грузовыми машинами, ретировались новую войну...

В день начала маневров, причинивших столько бед немецкому населению, западногерманский листок «ВП» вышел с изображением американского атомного оружия, нежно именуемого поджигателями войны «Анни», и заголовком: «Первое сообщение с фронта завтрашней войны: ...И тогда «Анни» будет лаять!».

Это поджигательское выступление было встречено с негодованием немецкой общественностью. Комментарию людовское выступление атомщиков из «ВП», газета «Юнге вельт» заявляет: «Анни» следует немедленно заткнуть глоток! Так думают миллионы миролюбивых немцев, которые не хотят превращения Западной Германии в очаг новой мировой войны.

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

Александр ЧАКОВСКИЙ

3. ...В намерения мои не входит подробное описание Парижа. Я бы не решился на это перед читателями Бальзака и Гюго, Золя и Достоевского.

И пишу о Париже лишь по праву очевидца и лишь в связи с той или иной стороной парижской жизни. Думаю, что не нарушу законов гостеприимства, если прямо скажу, что далеко не все нравится мне в этом чудесном городе.

Мне не кажется, например, что Пляс Нигаль и прилегающие к ней бульвары являются достижением французской культуры. Утверждаю это, я, очевидно, разойдусь во мнениях со многими американскими посетителями Парижа, которых я не очень часто встречаю в Лувре и которые буквально загромождают Пляс.

Нет сомнения, что среди американцев есть ценители настоящего искусства. Но большинство янки, приезжающих в Париж, — это или развлекательные коммюнажеры, рекламирующие американский образ жизни, или туристы в худшем смысле этого слова.

Они бьются и в Лувре, деловой походкой проходят по главной галерее и толпятся у знаменитой Джоконды, — их возмущает прежде всего фантастическая цена этой картины и то, что ее пытаются украсть. По крайней мере разговоры у картины галасились этой темой.

Полупрозрачная сенсация эта печкет нервы тех, кто готов променять все сокровища Лувра на почине радости кабары и мюзик-холлов. На Пляс Нигаль из открытых дверей бесконечных мюзик-холлов, дансингов, баров, пивных и прочих специфических здесь заведений несется звуки десятков джазов. Слышать без содержания десяток буги-вуги одновременно может или глухой или очень уж закаленный человек. Завывалы в виде полувештар-полувосходников заманивают посетителей. Впрочем, если говорить о Плясе Нигаль, то их и слышать не нужно. Здесь, на Плясе, они чувствуют себя, «как дома».

Подвыпившая американка в полосатом костюме, окруженная группой молодых людей, сидит на низенькой скамеечке последние тротуара. Вит чистый туалет. Сидеть на скамеечке находит, и она усаживается прямо на тротуар. Проход по тротуару загорожен. Окружение американки смесется. Ее спутникам весело!

Какую-то подонку затевают драку. Их обступила толпа американцев. Зрители зажали дыхание, их глаза широко раскрыты. Как же, они видят настоящую драку парижских ашаней! Двое подрались из-за девушки — классический случай. На них телушки, пестрые шарфы на шею. Они дерутся под звуки буги-вуги, под призрачным светом неоновых реклам. Блестят нож. Удар, и один из дерущихся убегает, зажимая рану, из которой льется кровь.

Американцы бросают «победителей» тысячекратно бумажки, курс франка невысокий, примерно три доллара за тысячу... И пеню им, что вся эта драка не что иное, как инсценировка, что из бедра «раненого» текли красные чернила, до поры до времени хранящиеся в резиновом пузырьке, и что через пять минут «соперники» будут мирно подсаживаться за углом вырочку, помирившись над пажогами-янки.

Я слышал, — и не от одного парижанина, — что уважающие себя французы не ходят на Пляс.

Вообще, по первым впечатлениям могу сказать, что американцы, если иметь в виду отношение к ним парижан, то есть народа, здесь не в чести.

Этому утверждению не противоречат ни поток американских фильмов, захлестывающий город, ни оплаченное гостиничное радушие к богатым туристам, ни также оплаченные панегирики реакционных газет.

И говорю о народе. Он не любит американцев за их систематические попытки

вмешиваться во французские дела. Это его «больной счет» к американцам. Но, кроме того, парижанам с их традиционным вкусом к изяществу претят развлекательные манеры американцев. Здесь не принимаются американские моды, по крайней мере если и перенимаются, то далеко не пропорционально тем усилиям, с какими американцы стремятся стереть разницу между Парижем и Оклахомой. Даже в мелочах видно стремление парижан следовать своему вкусу, презирая американский.

Люди в идиотских, походных на мусорную урину в поперечном разрезе, рубашках встречаются единицами; парижане редко носят американские широкополые шляпы с по-ганстерски загнутыми вниз полями. Янки чувствуют эту неприязнь народа и метят за нее Францию. Прошло уже немало месяцев с тех пор, как обложки «Сундерленд» изображали в одном из своих журналов Францию в виде женщины легкого поведения, притупившей деньги в чулок.

Хамская вылазка, естественно, оскорбила французский народ, — об этом немало писали газеты.

Нет необходимости говорить, что попытки американцев представить Францию, как сплошной Пляс Нигаль, как страну, где все продается, откровенны и характерны для отношения правящих кругов США к великому французскому народу.

Эти грязные попытки возмущают французский народ. Франция — не Пляс! В дело борьбы за независимость страны вносят свой ценный вклад люди различных партий, различных убеждений, но твердо являющиеся миром, противники иноземного диктата.

Некоторые из них делают это открыто, последовательно, сознательно. В духах других происходит сложная борьба. В условиях капитализма, в условиях непрерывной идеологической интервенции из-за океана такая борьба часто бывает мучительной. Победа правды в душе человека во Франции, как правило, влечет за собой для него тяжелые материальные последствия. Уолд-стрит покупает человеческие души по довольно высокой цене. Он стремится подкупить, точнее, скрутить любую литературу, искусства, науки. В США мгновенно переводят и издадут любую книгу французского писателя, если она содержит в себе нечто, что может быть использовано в целях американской политики или «на худой конец» не противоречит ей. И, разумеется, щедро оплачивают эти издания.

Нет, я далека от желания упрекнуть всех французских писателей, чьи книги издаются в Америке, в том, что они жертвуют интересами Франции.

Часто они субъективно далеки от этой мысли и воспринимают бы ее, как оскорбление. Но я говорю сейчас не о субъективных намерениях того или иного писателя, а о сознательном, объективно существующем и планомерно осуществляемом намерении правящих кругов США «приручить» французских писателей.

Все это осложняет борьбу добра и зла в человеческих душах. Но если в душе человека еще не умерла любовь к родной стране и к своему народу, если он талантлив, то немалые вопросы: «С кем ты для чего живешь? Что сделала ты для своей родины, для счастья своего народа?» — все чаще встают перед ним, особенно в обстановке современной Франции.

Люди не одинаковы. Одни делают выбор решительно и бесповоротно. Другие робко, половичато, но все же подходят к рубициону, отдавая полную лояль от правды. И кто знает — может, сегодня, завтра или через год они сделают решительный шаг, перешагнут рубикон и встанут под знамена своего народа...

...Прошло несколько дней, прежде чем я встретился с одним из наиболее популярных во Франции писателей — Эрве Базэн.

Его первая книга «Змея в кулаке», посвященная психопатологии отношений матери с сыном, со страстной и депрессивной любовью, с одной стороны, и ненавистью — с другой, имела громкий успех в буржуазных читательских кругах. Имя Базэна сразу стало популярным.

Вторая книга писателя называлась «Головой о стену», третья — «Смерть лошади» была продолжением первой, четвертый роман — «Встань и иди» — рассказывает историю парализованной женщины, которая обретает волю и любовь в жизни. Пятая книга — «Масло в огонь» — посвящена описанию того, как герой романа сходит с ума.

И не собираюсь спрашивать писателя, почему он пишет так, а не иначе, ибо подобный вопрос можно было бы предложить очень многим французским литераторам, но предположу высказывать ему свое недоверие к четырем из пяти названных книг. Думаю, что это вообще плохая база или во всяком случае плохой начало для разговора. Нет, меня занимают другие мысли. Я думаю: как объяснить, что у писателя, чьи книги являются характерными для буржуазной, то есть далекой от жизненно важных проблем, литературы, наблюдаются симптоматические и противоречивые явления, почему в обеих первых его мраморных книгах есть все же прорывающий, как лава из глубинных недр земли, смутный протест против патологии буржуазной семьи, и единственно свободный-нибудь позитивным действующим лицом «Смерти лошади» является человек из народа?

Почему за приникнутой все же оптимизмом книгой «Встань и иди» последовала после короткой паузы снова мрачная и безотрадная книга «Масло в огонь»?

Почему, наконец, автор этих далеких, в общем, от передовой, прогрессивной литературы книг поступил смело и благородно, поехав на Венский конгресс защиты мира, за что налетел на себя резкие нападки со стороны буржуазной печати и своего издателя?

Я не хотел ни осуждать, ни хвалить Эрва Базэна, я хотел только понять его.

...Эрва Базэн живет в 20 километрах от Парижа в местечке Шель на берегу реки в небольшом, но удобном для работы писателя доме. Эрва Базэн рассказал, что лишь недавно оказался в состоянии приобрести его, но в распродажу, и теперь каждый месяц должен вносить определенную сумму.

С первых же минут меня заинтересовали какие-то чертежи и диаграммы, висевшие в кабинете писателя над его рабочим столом.

Эрва Базэн — подвижной, оживленный соразличитель человек — охотно и подробно удовлетворял мое любопытство.

Во французской литературе производится особое значение архитектурные произведения. Эрва Базэн избрал такие методы «архитектурного контроля»: на большом листе бумаги, в определенной комбинации граф, он специальными значками отмечает действующих лиц своих романов, а также главы, которые он условно называет «действенными» или «статичными», «мрачными» или «светлыми», «завязку», «развязку» и т. д. После того, как написан первый вариант романа, писатель «переносит» его в выверенный способ на бумагу и получает зрительную картину того, насколько «гармонично» и «пропорционально» его произведение.

Французский читатель очень требователен по части правдоподобия места действия романа. Писатель выбирает какой-либо реально существующий, хорошо известный географический пункт. На листе бумаги он вычерчивает эту местность наподобие топографической карты и «вписывает» в нее нужные ему по ходу действия, вымышленные уже, детали. Эту

«карту» писатель держит на своем рабочем столе, всегда имея, таким образом, перед собой точную топографию местности, в которой разворачивается действие романа.

Мне не хочется обобщать, насколько целесообразен такой метод, однако казалось небезинтересным рассказать о нем.

Мы говорили о положении писателя во Франции, о его, так сказать, социальном и творческом статусе, говорили просто и душевно.

Даже здесь, во Франции, стране куда более «либеральной», если сравнить ее, например, с заокеанской «демократией», со всей наглядностью проявляется вся лицемерная жестокость хваленных буржуазных «свобод».

— Писатель целиком зависит от прессы и от издателя, — говорил Базэн. — Нет, издатель никогда не скажет писателю прямо: «Не пишите прогрессивной книги, не ставьте острых, жизненно важных для народа вопросов».

Но если вы расскажете ему, что задумали такую книгу, он пожат плечами и ответит: «Разумеется, вы должны писать о чем угодно. Но уверяю вас, такая книга не будет читаться. Публика ждет совсем другого. Я не могу рисковать, издавая такую книгу. Я разорюсь на ней. Если вам пришло в голову разориться самому, не заставляйте меня следовать вашему примеру».

— По допустим, писатель все же написал такую книгу и издал ее в прогрессивном издательстве. Что последует дальше?

— Десятки буржуазных газет попросту замолчат ее. Книге будет во стократ труднее добираться до привычного к газетным статьям и аннотациям читателя, нежели другой «привлекательной» для буржуазных нравов книге. Но предположим другой вариант — пресса откликнется...

Нет, критики не будут упрекать писателя по существу вопроса, то есть по поводу того, что он взялся за «запретную» тему. Они будут говорить об отсутствии у него художественных достоинств, об упадке таланта писателя, о том, что книга скучна, сера, неинтересна, они сделают все, чтобы книгу не покупали, все, чтобы забыть ее...

— Как хочется мне, — воскликнул Базэн, — написать книгу, которая являлась бы завершением первых двух книг, в которой я показал бы моего героя, ищущего своего места в обществе, его отношение к жизни, к общественной жизни, но...

Он умолк. Да и к чему было пояснять? Базэн должен был бы в этом случае подтвердить себя и свою семью риску огромных материальных потерь, уйти из этого еще не оплаченного дома, ради которого писателю приходится сейчас работать по 18 часов в сутки.

Скажу честно, мне было жаль талантливого писателя, жаль его дарования, скванство, опутанного цепями. И вместе с тем я был горд за него, как за человека, за то, что он нашел в себе силы не только писателю рассказать о своей душевной драме, но и сделать прямой, зримый шаг на пути к правде, — поехать на Венский конгресс. Нет сомнения, что шаг этот был вызван и совестью писателя и тем «духом времени», о котором я говорил уже не раз, той атмосферой реальной жизни Франции, которая диктует каждому честному французскому поступать так, а не иначе.

Хочется верить, что за этим шагом последуют другие, и эти другие шаги Базэн сделает ради своего таланта, ради своего народа, ради своей страны.

Аленуэр: — Пусть мне дадут возможность создать несколько дивизий, и я смогу сжать Францию в своих объятиях!..

Рисунком худ. Миттельберга из французской газеты «Юманите»

ФОКУСЫ ЗАОКЕАНСКИХ „БЛАГОДЕТЕЛЕЙ“

Не так давно в Вашингтоне было заключено соглашение о предоставлении Австрии займа на строительство гидроэлектростанции Рейсек-Крейцек (в западной части страны). Соглашение подписано с Международным банком реконструкции и развития, международным по названию, американским по существу.

В связи с этим перед микрофоном «Голоса Америки» выступил австрийский посол в США Карл Грубер, австрийский банкир проучившийся в школе благодетельности. Надо сказать, что Карл Грубер постоянно — раньше на посту министра иностранных дел Австрии, ныне на посту австрийского посла — благодарит своих американских покровителей за различные «благодетельности». Примечательно, однако, что с каждой его благодарностью Австрия все крепче приковывается к колеснице заокеанских монополий и связанных с ними западногерманских концернов...

На сей раз Грубер поблагодарил Вашингтон за то, что Австрия обременила новой внешней задолженностью — займом на строительство гидроэлектростанции Рейсек-Крейцек, продукция которой даст стране не прибыль, а убыток, точнее говоря, увеличит убыток от экспорта австрийской электроэнергии на Запад.

Дело в том, что Австрия экспортирует (главным образом в Западную Германию) для нужд военной промышленности) электроэнергию, вырабатываемую в ее западных областях, по ценам ниже внутриавстрийских и ниже тех, которые ей платят, например, Чехословакия. Тем не менее, намечено строительство новой электростанции для экспорта энергии на Запад.

В итоге, как справедливо отмечает австрийский прогрессивный журнал «Тагебух», «Австрия будет делать долги, чтобы иностранные капиталисты получали от нее дешевую электроэнергию». Таков главный фокус «благодетельности».

И все же это еще только одна сторона дела. Другая, не менее любопытная сторона, заключается в следующем. Электроэнергия экспортируется из Австрии в «боннский республику», несмотря на острый недостаток энергии в восточных районах страны, где сосредоточена значительная часть промышленности. Но это, помимо того, не тревожит правящие круги, которые уже не первый год саботируют строительство в Нижней Австрии электростанции Ибс-Перембой.

Все это, казалось бы, противоречит здравому смыслу. Безусловно. Но не противоречит корыстным интересам кучки австрийских и зарубежных капиталистов.

Александр Виссарионович АБАШЕЛИ

29 сентября 1954 года на семидесятом году жизни скончался выдающийся грузинский поэт Александр Абаши. Александр Виссарионович Абаши родился в 1884 году в с. Абаши Цхакветского района, в семье крестьянина. Первоначальное образование получил в Кутаисском городском училище. В 1913—1914 гг. являлся слушателем лекций историко-филологического факультета Московского городского народного университета имени Шанявского.

Начало литературной деятельности А. Абаши относится к 1909 году. Первая книга поэта была выпущена в Тифлисе в 1913 году.

С установлением советской власти в Грузии Александр Абаши становится активным участником литературной и общественной жизни республики, пишет патристические стихи, занимается редакторской работой.

Особенно плодотворным творчеством А. Абаши явилось в годы Отечественной войны. Поэт издает сборники «Героические дни» и др. В 1947 году в Грузии выходит одноименный стихотворений А. Абаши. В 1949 году «Избранные стихи» поэта выходят на русском языке в издательстве «Заря Востока».

Александр Абаши вел большую общественную работу, в течение многих лет являлся членом правления СПС Грузии. Пол. в редакционной вышло произведения А. Абаши в Грузии и других классиков грузинской литературы.

Советское правительство по достоинству оценило заслуги А. Абаши перед грузинской литературой, наградив его за литературную деятельность орденом Трудового Красного Знамени. А. Абаши награжден также медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Память об Александре Виссарионовиче Абаши, выдающемся грузинском поэте, прошедшем большую и плодотворную творческую путь, навсегда останется в наших сердцах.

Э. АНАНАШВИЛИ, Н. АСЕВ, М. БАЖАН, П. БРОВКА, С. ВУРГУН, А. ВЕНДОВА, В. ГОЛЬШЕВ, Н. ГРИБАЧЕВ, С. ЕВГЕНОВ, Н. ЗАЛОЦКИЙ, Н. ЗАРЯН, В. ЗВАНГИЩЕВА, А. КОРНЕЙЧУК, М. КВАВИЛАЗЕ, Л. ЛЕОНОВ, Г. ЛОМИДЗЕ, И. НОНЕШВИЛИ, Б. ПОЛЕВЫЙ, М. РЫСЬСКИЙ, К. СИМОНОВ, А. СУРКОВ, Н. ТИХОНОВ, А. ФАДЕЕВ.

О повести „Оттепель“ И. Эренбурга

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Вот перед нами образ директора Журавлева. Это, как бы неоднократно утверждается, трус, эгоист, лжец и бюрократ, преступно относящийся к нуждам рабочих... Вокруг него ходят высокомерные и остроумные индустриеры, все видящие и все прекрасно понимающие, но занятые исключительно своими переживаниями, самоанализом и злоловением. Директор в конце концов разоблачается благодаря очень кстати разглагольствующей буре... Неужели это — решение вопроса о борьбе с бюрократизмом?

Владимир Пухов на протяжении многих страниц повести безжалостно калечат на нашу советскую действительность, на наших людей, на наше искусство, лицемерно, лжет и халтурист, и не нашлось ни одного человека, который бы по-настоящему разоблачил его порочную сущность, показал бы всю ничтожность, дичизну и дичность взглядов этого выродка! Неужели вы не встречали этого человека в жизни — настоящего советского человека, сильного, умного, непримиримого?

Все это можно было бы принять, если бы в какой-нибудь повести высказывалась прямая и ясная осуждение подобных явлений. Но вы ограничиваетесь зарисовкой...

Мысль о том, что в повести нет героев, которых можно было бы считать положительными, повторяется во многих письмах. «Нет! Это не положительные герои в том смысле, в каком положительные герои представляются советскому человеку», — восклицает читатель Е. Солнцев из Омска. — Эти люди бездействуют. Все они в большей или меньшей степени тоже Журавлевы. Они могут говорить одно, а думать другое (Кортев), возмущаться действиями Журавлева, но ничего не предпринимают (Скоковский, Лена)... Это пассивные, бездельные люди, несмотря на то, что они активные, трудолюбивые люди у себя на производстве... Меня беспокоят выводы, которые вытекают из вашей повести: против Журавлевы не нужно бо-

роться. Все равно, рано или поздно их «всех вышлый» накажет. Хотелось вам так или не хотелось, но вывод такой напрашивается...».

Во многих письмах читатели касаются образов Володи Пухова и Талечки. Читатели не удовлетворены этими образами потому, что, как указывает Н. Виллер (Железнодорожный, Горьковской железной дороги), «автор им сочувствует, жалует их, как бы говоря — вот ведь как их испортит! Но почему они испорчены? Никакого анализа причин, которые привели этих молодых людей в непонятное «блото» жизни, автор не дает. Автор не вскрывает причин болезни, а следовательно, лишает возможность этой болезни лечиться...».

О противоречивом изображении искусства пишет читатель А. Шугай из Харьков. Он отмечает, что «в жизни всех героев искусство играет значительную роль». Но какое же искусство играет эту роль, если в повести изображены лишь два полюса: с одной стороны — карьерист и приспособленец Володя Пухов, с другой — оторванный от жизни Сабуров.

«Представителю культуры И. Эренбург противопоставляет художника-отшельника, создающего шедевры искусства вдали от мирской суеты... Ведь кому-то, а писателю Илье Эренбургу прекрасно известно, что не существует большого искусства, стоящего в стороне от больших идей и столбовой порог века». Несогласие, а порой и ошибочность авторских позиций отмечают и bibliotecарь И. Теплицкий из Ставрополя, и московский журналист Н. Филин, и В. Зеленина (Мхачкалани), и учительница Л. Юдина (г. Орданжикан), и И. Ацун (Рига), и студентка Л. Новоальчук (Баку), и многие другие.

Многие читатели выражают глубокое сожаление о том, что новая повесть И. Эренбурга оказалась значительно слабее его предыдущих книг, а образы ее — наимного беднее тех образов, которые были созданы им ранее. Так З. Григорьев (Одесса) пишет: «Когда читаешь романы Эренбурга, не говоря уже о публицистике, помимо большого эстетического наслаждения ты полу-

чишь еще большое обогащение твоих знаний, твоей души. Эренбург-автор — это всегда взволнованный человек. Читатель остро чувствует, кого из своих героев Эренбург любит, кого ненавидит... А вот «Оттепель», к большому сожалению, — другое дело. Закрывая книгу журнала, ты остаешься равнодушным. Незнаешь, что хотел сказать автор, чему научить...».

От редакции. Широкий поток читательских писем, вызванных повестью Илья Эренбурга «Оттепель», свидетельствует о большом интересе наших людей к советской литературе.

Редакция зарубежная печать пыталась представить развенчанную вокруг «Оттепели» И. Эренбурга «взрывку» как «осуждение» повести. Датекая консервативная газета «Берлинские вестник», переиздающаяся на своих страницах «Оттепель» и не останавливаясь при этом на некачественности текста, объявила даже, будто «Оттепель» — это «запрещенный» в Советском Союзе роман о любви. Советские читатели знают, что «Оттепель» — повесть, а не роман, и что повесть эта не только печаталась в журнале «Знамя», но и вышла отдельной книжкой в издательстве «Советский писатель». Нет необходимости доказывать, что повесть никак не запрещена, равно как не запрещен ни читателям, ни писателям высказывать о ней свое мнение.

Свою новую повесть И. Эренбург посвятил, по его признанию, «человеческим взаимоотношениям, борьбе с бездушием отношениям к товарищам, борьбе с халтурой, произволом, забыванием, порой млеющим духом жизни». Наша литература должна страстно поддерживать все новое, передовое, показывать лучшие черты советских людей и в то же время смело и остро обличать все, что мешает жизни, работе, счастью советского народа. Вполне понятно стремление писателя осудить бездушию Журавлева и приспособленца Володю Пухова и показать повседневную жизнь советских людей, преодолевающих трудности и препятствия. Мы понимаем также желание писателя показать, как благоприятно сказывается в жизни советских трудящихся решения партии и правительства, направленные на повышение

благополучия всего советского народа. В ответе К. Симонову писатель разъясняет свой замысел. Не уже необходимость этого разъяснения обнаруживает, что авторский замысел не был с достаточной ясностью и убедительностью воплощен в самоте художественной ткани «Оттепели». Об этом говорят и письма многих читателей «Литературной газеты».

В произведениях Эренбурга, написанных очень лаконично, с предельной экономией изобразительных средств, каждая деталь чрезвычайно важна. Нельзя не согласиться с многими замечаниями читателей, часть которых мы сегодня публикуем: несмотря на самый хороший замысел, «Оттепель» не удовлетворила читателей, оценивается ими как статичная, пессимистическая, образы ее показались нежизненными, недостаточное глубокое раскрытие, слабо мотивированными. Читатели не увидели в повести полнокровного отражения нашей советской жизни.

И. Эренбург указывает, что он «не пытался обрисовать жизнь общества», а «выбрал десяток людей и взял короткий отрезок времени».

Нельзя требовать от писателя, чтобы он изобразил в небольшой повести (или даже в большом романе) все стороны жизни. Право художника — выбирать то, что его интересует, что соответствует его замыслу. Но явления, которые художником отображены, включены в произведение, должны быть изображены верно, в соответствии с жизнью и правдой, то есть в развитии, в движении, в истинных связях и отношениях с окружающей средой.

Отмечая в ряде читательских писем пассивность положительных героев, лишь характерно для советских людей, — активную, творческую отношения к жизни.

И. Эренбург высказывает мысль о том, что писатель не может отвечать за слова своих героев. Разумеется, отрицательный персонаж может произносить речи, за которые было бы нецелесообразно упрекать писателя.

По отношению писателя к персонажу, логика развития характеров должна быть отчетливой, ясной. В повести не хватает той художественной догадки, которая делает ясным и развитие образов и отношения автора к судьбам своих персонажей. Нельзя не признать справедливыми вы-

сказывания ряда читателей, отмечаящих, что «Оттепель» не хватает идейной ясности, определенности отношения к изображаемым явлениям.

В самом деле. Если бы в повести был изображен один лишь Володя Пухов и писатель, плюжив в его уста пассивные суждения об искусстве, резко осудил его (от своего ли собственного имени, или через других персонажей, или общим тоном произведения), — что можно было бы возразить против такого обличения приспособленца и халтурщика? Но автор постепенно сводит на нет осуждение Володи Пухова, постепенно вносит в его душу как-то просветление, словно примиряется с ним (как примиряется Талечка). Он озирает этот примиренный весенним солнцем, согретый весенним теплом. От этого Володя начинает казаться не вредным, чуждым советскому искусству человеком, а скорее слабой жертвой. Из всего многообразия жизни советского искусства писатель выхватывает еще одну фигуру — художника Сабурова. Мы знаем, что Эренбург не раз выступал в своих статьях против абстрактного, оторванного от жизни искусства и против натурализма. Но самое противопоставление Володи и Сабурова, ограничение этими персонажами искусства, независимо от желания автора, привело к тому, что пассивная замкнутость художника, стоящего в стороне от жизни народа и его борьбы, выгладит как нечто положительное, как противоположное против халтурщины.

Прямой и нелицеприятный разговор по вопросам творчества, открытое высказывание творческих сомнений, споры о произведении, вынесенные разногласия на широкое обсуждение — необходимые условия для художественного творчества. Вполне понятно, что «Оттепель» вызвала полемику, полемику и писателям, и читателям, и самому И. Эренбургу, которому критические замечания помогут полнее решать художественные задачи, создать в своих произведениях яркие образы современников.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУДИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТКОВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.